

Ю. Ф. БУРЯКОВ

**ПО ДРЕВНИМ
КАРАВАННЫМ
ПУТЯМ
ТАШКЕНТСКОГО
ОАЗИСА**

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ПО ДРЕВНИМ
КАРАВАННЫМ
ПУТЯМ
ТАШКЕНТСКОГО
ОАЗИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1978

Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР. Рис.—23. Стр.—104.

В брошюре изложены итоги многолетних исследований археологических памятников Ташкентского оазиса. Повествование построено как рассказ об увлекательном путешествии по караванным путям. Следуя им, автор приводит читателя в шумные большие города, мелкие селения и торговые фактории, знакомит с ремеслом, материальной и духовной культурой их жителей.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Б $\frac{10602-683}{355(06)-78}$ 140—141—78

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1978 г.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Древняя земля Узбекистана! Для земледельца — это бескрайние хлопковые поля или цветущие сады, для геолога — кладовая природных богатств, для инженера — большая строительная площадка, а для историка — гигантский архив древней культуры, «кладовая памяти», в недрах которой сохранились следы деятельности человечества.

Сотни тысячелетий насчитывает история человечества. В Узбекистане открыты пещеры и жилища охотников и рыболовов каменного века, ремесленные мастерские и храмы, отдельные дома и целые кварталы древних городищ. Здесь оставили свои следы могучие союзы кочевников-скотоводов, создавались древние земледельческие государства, формировались центры городской культуры.

Эпохи расцвета сменялись разрушительными нашествиями, гибелью городов и целых государств, но человек вновь начинал свою созидательную работу.

Все это отложилось в памяти земли в виде стоянок и курганов, руин селений и многослойных городищ, рудников и плавильных пунктов, сети каналов и погребальных полей, картинных галерей первобытного искусства. Памятники эти немые, пока не коснется их чуткая рука специалиста истории материальной культуры — археолога. И тогда глиняные страницы этого архива начинают раскрывать окутанную мглой историю древних государств.

Хорезм и Фергана, Согд и Чач — не все из этих древних названий дошли до нас. Но все они когда-то служили синонимами крупных цветущих государств со своеобразной культурой, вошедшей могучим пластом в общую культуру народов Узбекистана.

Где истоки этой древней культуры? Как проходили пути ее формирования? Ежегодно десятки археологических отрядов на равнинах, в пустынях, горах листают страницы кладовой памяти земли, раскрывая все новые объекты древней культуры. Большую помощь им в этом оказывают все, кто соприкасается с памятниками истории, — колхозники, геологи, строители каналов и водохранилищ, краеведы и школьники. Ежегодно в музеи республики, в Институт археологии Академии наук Узбекистана поступают сообщения о находках древностей и сами вещи. Но недостаточно просто извлечь древний предмет из земли. Главное — нужно узнать обстоятельства его залегания, причины появления здесь вещей, историю людей, оставивших эти предметы. Часто с находки предмета и начинается только самое сложное — выяснение истории пункта находок.

Таких пунктов довольно много, но есть среди них наиболее важные, сыгравшие значительную роль в общей истории наших народов. К их числу относится один из древнейших регионов Узбекистана — Ташкентский оазис, носивший название Чач, Чачстан и передававшийся арабскими источниками как Шаш.

Древний Чач с входившей в него рудной подобластью Илак располагается в долине среднего течения могучей Сырдарьи или Яксарта — так называли ее древнейшие источники античной эпохи. Ядром его были бассейны рек Чирчика и Ахангарана, хотя временами владение разрасталось по Сырдарье в степях Южного Казахстана на север вплоть до Отрарского оазиса.

Если посмотреть на карту района, можно сразу отметить разнообразие географических ландшафтов. С северо-востока, востока и юго-востока гигантской подковой его окружает мощная горная система Тянь-Шаня, в отрогах которого формируются быстрые горные реки — истоки Чирчика и Ахангарана. Основные из них на северо-востоке — Чаткал, Пскем, Угам — дают жизнь Чирчику — самому крупному правому притоку Сырдарьи. После слияния их река еще некоторое время проходит по узкой межгорной впадине, а затем, вырываясь на равнину, растекается, кроме основного русла, почти 50 каналами, отдавая воду полям. Большинство каналов проведено еще в античную и средневековую эпохи.

С юго-востока оазис прикрывается Кураминским

хребтом, юго-западный отрог которого с мрачным названием Карамазар (черная могила) ниспадает к руслу Сырдарьи известняковой грядой.

Здесь, на юго-западной оконечности Чаткальского хребта, зарождаются истоки второй крупной реки оазиса—Ахангарана. Река бьется в скалистом ущелье на километровой глубине, потом прижимается к Кураминскому хребту, оставляя с севера обширные ровные площади, выходит на равнину, разрезает ее пополам, и, меандрируя, достигает Сырдарьи.

Совершенно иная картина рисуется нам на другой стороне подковы. Здесь с севера, запада и юга рельеф плоский, и если с двух последних сторон есть хотя бы призрачное прикрытие в виде Сырдарьи, то с севера оазис совершенно открыт навстречу безбрежной степи, в древности населенной могучими кочевыми племенами. Большой роли она не смогла сыграть, хотя в период борьбы были попытки перегородить эту степь стеной, проходившей, как писали историки, «от гор Сайлыка» на востоке, до «реки Чача» (Сырдарьи) на западе. И сейчас еще отдельные холмики этого вала, называемого «Кампыр-дувал» (стена-старушка), стоят безмолвными свидетелями прошлых войн.

Но Чач и сам являлся частью древней кочевой колыбели, и связи со степью были чаще дружественными, да и традиционный характер хозяйства содействовал больше тесным торговым связям, чем военным. Историки рассказывают даже, что по обеим сторонам Сырдарьи к северу от оазиса были прекрасные пастбища, принадлежащие Чачу.

Чем привлекает исследователей древний Чач? Можно было бы ответить, что только находка пещерных и открытых стоянок, мастерских кремнёвой индустрии «древнекаменного века» делает его важным объектом науки. Но еще больше материала дает он своеобразием культуры для историков, занимающихся изучением последующих эпох. Возьмем для сравнения оазисы, история которых тесно переплетается на протяжении многих тысячелетий,— Самаркандский и Ташкентский.

Согд и Чач! С древнейших времен они являлись крупнейшими земледельческими регионами, в недрах которых закладывались основы материальной и духовной культуры узбекского народа. Два тесно связанных меж-

ду собой оазиса, но как различны условия формирования их культур.

Если Согд с древнейших времен являлся оазисом с развитым земледелием, то Чач долгое время стоял на самой границе оседло-земледельческих народов и кочевых воинственных племен скотоводов, занимавших степные районы Восточного Мавераннахра. А на границе двух миров складывались сложные взаимоотношения. Сопровождались они и открытыми враждебными действиями, но чаще и тесными торгово-экономическими связями. Оседавшие кочевники вносили свою мощную струю в культуру оседлых народов, и, прежде всего, это сказывалось на культуре первого форпоста — Чача.

Есть и еще одна важная деталь, обратившая внимание историков. В недрах гор Ташкентского оазиса добывались рудные ископаемые и самоцветы, в первую очередь благородные металлы — золото и серебро. Здесь в средневековье размещался рудник Востока, носивший название «Кухисим» — «Гора серебра». Ну как не вспомнить о сказке «Алибаба и сорок разбойников», где призыв «Сим-сим, открой дверь!» открывал человеку сокровища гор!

Роль Чача в древней истории мы сможем оценить, если просмотрим свитки древних рукописей, в которых он назывался «самой крупной областью Туркестана». Арабский географ середины X в. Истахри писал, что ни в Хорасане, ни в Мавераннахре нет страны, подобной Чачу по многочисленности селений, возделанности цветущих земель, обилию соборных мечетей, силе и храбрости жителей. О том, что ни в одной области Востока нет такого обилия богатейших городов, вторил ему через полстолетия ибн Хаукаль. А городов здесь действительно было много — около пятидесяти! Такого не знала ни одна страна Востока.

В чем же причина этого удивительного обилия городов или, как отметили ученые, урбанистического феномена? Ответ на этот вопрос могут дать в первую очередь археологические поиски и раскопки.

Много трудностей на пути исследователей. Достаточно сказать, что еще совсем недавно мы не знали даже местоположения большинства городов оазиса. И это не удивительно — древние авторы зачастую ограничивались лишь скупым перечнем городов да кратким описа-

нием столиц, реже — караванных путей. А как же остальные города, стоявшие в стороне от магистралей? Ведь для того, чтобы определить причины их появления, расцвета и трагической гибели, нужно было в первую очередь найти караванные пути и стоявшие на них города.

Нельзя сказать, что памятники древности оазиса не привлекали внимания ученых, краеведов. Первые наброски ташкентских руин сделаны больше столетия тому назад известным художником В. В. Верещагиным, осмотр этих руин произведен археологом императорской археологической комиссии Н. И. Веселовским, местными краеведами Н. И. Остроумовым, Э. В. Эгертом, Е. Т. Смирновым и В. В. Беляевым предприняты попытки раскопок. В местных и столичных газетах стал публиковаться материал о находках на загадочных городищах. Но когда после революции пришлось подводить итог работ, на археологическую карту были нанесены лишь два древних города.

В 20-е годы начались неутомимые поиски: разведки М. П. Грязнова, В. В. Воеводского, А. А. Потапова, маршруты Г. В. Григорьева и В. Д. Жукова по долине Чирчика, Т. Миргиязова — по долине Ахангарана, изучение памятников архитектуры, а затем и ирригации Я. Г. Гулямовым. Но больше всего для разгадок истории древнего региона сделал один из старейших археологов Средней Азии Михаил Евгеньевич Массон. Будучи еще в составе Геологического комитета и Таджикско-Памирской экспедиции, он заметил, что восточные географы, описывая этот район, сообщали о добыче здесь золота и серебра. И вместе с геологом Б. Н. Наследовым М. Е. Массон направил внимание изыскателей на поиски серебряного рудника и чачского монетного двора «маден аш Шаша». Он прошел по внутренним путям оазиса, определил многие его города и нарисовал первые силуэты истории Ахангарана. Его призыв изучать историю не только отдельных городов, но и крупных регионов нашел последователей.

Изучению древней культуры Ташкентского оазиса мы с группой краеведов и историков посвятили около 20 лет с небольшими перерывами. Мы шли вслед за средневековыми караванами по магистральным торговым путям, соединявшим оазис с далекими странами Востока

и городами кочевников, сравнивая сохранившиеся в руслах рек и предгорьях руины памятников с описанием городов в восточных манускриптах.

Нам приходилось вместе с геологами подниматься к горным разломам и опускаться в узкие жерла древних шахт и штолен, проходить со старыми проводниками по кратчайшим горным путям, связывавшим Ташкентский оазис с Киргизией и Ферганской долиной. Древние русла рек и небольших саев ирригационной системы, находящейся в непрерывном движении, нам помогали проследить палеогеографы. Работа в поле чередовалась с кропотливым изучением отрывочных сведений арабских, персидских и других путешественников, иногда специально, а чаще между строк открывавших направления караванных путей, взаимное положение городов и переправ, время их появления. А затем вновь полевые разведки, раскопки крепостей, металлургических пунктов, могильников. И постепенно начинала проясняться история этого интересного региона.

Что можно было извлечь из источников до начала археологических работ? В исторических сказаниях, опозитизированных Фирдоуси в Шахнаме, и древних восточных гимнах зороастрийцев — Авесте.—Чач отнесен к стране могучих туров, «живших за хребтом Кангха»,—Турану, управлявшемуся легендарным правителем Афрасиабом. Отголоски его имени мы и сейчас еще встречаем в названиях древних холмов. А само название оазиса некоторые ученые хотят связать с описанными в сказаниях событиями убийства Афрасиаба Хосровом около озера «Чаечаста», в котором видят «турское» название Аральского моря. Туры считались сакскими племенами.

Иранские историки впервые упоминают Чач в 262 г. н. э. в выбитой надписи на священной «Каабе Зороастра», где перечисляются все земли и города («шахры»), подчинявшиеся сасанидскому Ирану, вплоть до Кеша (Шахрисабза), Согда (Самарканда) и «гор Чача». Как доказали историки, в этом тексте указаны не реальные, а желаемые границы иранских правителей¹.

Историки VI—VII столетий упоминают в Чаче несколько десятков городов, но чаще называют его «стра-

¹ В. Г. Лукин, Культура сасанидского Ирана, М., 1969, стр. 62, 126.

ной тысячи замков»². Это не удивительно. В период раннефеодальной раздробленности жизнь из города зачастую переходила в село, административная власть — в дикханские кешки (феодалы замки). Государство даже раздробилось на два владения—Илак и Чач.

Неоднократно восточные хроники упоминали Чач в период войн, вызванных арабским нашествием VIII в.

Мужество и свободолюбие жителей Чача нашло отражение в арабской поговорке: «Проходя через Чач, поднимай выше полы одежды, потому что это страна дьяволов, от которых бегут правители». Поговорка не случайна. Жители Чача приняли активное участие в антифеодальной народной войне, поддержав также и антихалифатский мятеж Рафи ибн Лейса, направленный на отделение восточных районов халифата и уменьшение налогов.

Наиболее обширны сведения о Чаче восточных манускриптов IX—X столетий. Географ середины X столетия Истахри пишет, что пространства Чача и Илака изобилуют селениями, пашнями и городами с мечетями и расположены на равнине со множеством пастбищ и лугов. Чач и Илак соединены, между ними нет никакого разделения.

Караванные пути соединяли Чач с городами внутри оазиса, с центрами среднеазиатских государств, с далекими восточными странами и Сибирью, вели в степные фактории и т. д. Арабоязычные описания торговых путей и расстояний между пунктами на них послужили нам первой ниточкой в археологических поисках городов. Правда, они далеки от наших путеводителей, но и в них были и вехи на пути, и расстояния между ними, и даже переправы. Расстояния отмечены в традиционной манере движения лошади за час—фарсахе, поэтому у разных авторов они не всегда совпадают. В зависимости от политической обстановки менялись и нити путей, а от капризов крупных рек — места переправ. Направления некоторых маршрутов нам приходилось выискивать между строк по отрывочным фразам или перечням городов.

Эта небольшая книжечка рассказывает о сложных путях исследования, поисках и находках, легендах и силуэтах истории древних городов и районов оазиса.

² S. Beal, *Buddhist records of the Western World*, fol. 1, London, 1906, p. 31—32.

НА БОЛЬШОМ КАРАВАННОМ ПУТИ

Попробуем перенестись хотя бы на тысячелетие вглубь и двинуться вслед за торговым караваном, идущим из Самарканда в Чач. Два караванных пути соединяли тогда Согд с Ташкентским оазисом. Один нелегкий, но самый короткий шел через Джизак прямо на восток знойной Голодной степью с редкими приютами караван-сараяв и специальными купольными сооружениями для хранения воды—сардоба. Оживлялся он лишь у самой Сырдарьи, переправа через которую была где-то недалеко от устья Чирчика. А дальше караваны следовали вдоль Чирчика к Ташкенту.

Второй путь более длинный, безопасный и оживленный. Из Джизака он склонялся к югу через Заамин, Хаваст и выходил к Сырдарье выше впадения в нее Ахангарана. Чтобы попасть им в Ташкент, нужно было после переправы через Сырдарью вновь подняться далеко на север, преодолевая русла Ахангарана и Чирчика. Как показали раскопки городов, этот путь более древний. Когда северная переправа еще находилась в руках кочевников, а многие города долины Чирчика еще только зарождались, торговые караваны проходили в пределы Ташкентского оазиса именно этим путем.

Где же искать древнюю переправу? Не просто преодолеть здесь своенравную Сырдарью. В период паводков она разливается на широкой территории, где и поныне сохранились старинные протоки «колган сыры», и сильно подмывает восточный берег. Только в одном месте близ пересыхающего протока Ахангарана, носящего название Гиджиген, к ней вплотную подходит гряда, позволяющая наладить настоящую переправу.

На холмах обнаружены следы стоянки дозора по охране переправы в беспокойное время феодальных усобиц. Вероятно, в IX—X столетиях с усилением центральной власти отпала необходимость в специальной охране переправы.

Город Шахруха

Вдоль пути тянутся десятки замков и поселений, перемежающихся с крупными городами. Самый первый из них Бенакет—город-крепость на берегу реки. Название это неизвестно местному населению, не найти его и на картах. Но, если двинуться древним путем, в 15—20 км ниже переправы на крутой излучине правого берега Сырдарьи, можно встретить руины громадного города под названием «Шаркия» («Восточное»).

Взору исследователя открывается причудливый рельеф. В вечерних сумерках руины как будто оживают. Холмы жилых кварталов перемежаются с ремесленными мастерскими керамистов, металлургов, стеклодувов. Их пересекает сеть уличных магистралей и каналов. Широкие площади пригорода обнесены цепочками валов и глубокими каньонами рвов Бахорса и Шаркияса. Вдоль подводящих к городу магистралей возвышаются отдельные выносные оборонительные башни. А по берегу реки над кварталами поднимается на десятки метров крепостное ядро, открывающее перспективы для обзора и обстрела подступов к городу.

Пожалуй, нет ни одного памятника в Ташкентском оазисе, с которым было бы связано столько легенд и сказаний, как с Шаркией³. Одна из них рассказывает о том, как долго длилась непрерывная битва жителей осажденного города с бесчисленными полчищами захватчиков. Уже подведены стенобитные машины, в крепостных бастионах пробиты бреши, во многих домах пылают пожары от сосудов с «греческим огнем», а на головы нападающих продолжают литься потоки раскаленной смолы, сыплется град стрел и каменных ядер. Кажется, силы защитников неиссякаемы. И вдруг все стихло, не-

³ Много лет по следам народных легенд ходит отряд алма-лыкских краеведов-школьников, руководимый учителем И. В. Печуркиным.

ожиданно город прекратил сопротивление. Возбужденные боем и предстоящей добычей, конники и пешие воины завоевателей врываются в распахнутые ворота и мчатся по улицам обезлюдевшего города. Вот и центральная площадь, неподалеку блещут воды Сырдарьи, в могучие волны которой можно сбросить последних защитников. Но неожиданно, прямо на глазах наступающих, жители города исчезают в подземельях под берегом реки, унося с собой ценности и оружие. Наиболее храбрые воины кинулись вслед за ними, но подземелье бесследно поглотило храбрецов. Ни один из них не вышел на поверхность.

Причудливая система лабиринтов подземелий и сейчас еще тянется на десятки километров в лёссовой толще городских окрестностей, сплетается с подземельями городских кварталов Шаркии и уходит под Сырдарьей на другой берег, ожидая смельчака, который раскроет путь последних защитников города.

В легендах сквозь завуалированную сказочную оболочку проглядывают интересные исторические сведения о борьбе с захватчиками, густоте застроек города и долины реки.

Оснований для легенд было более, чем достаточно. Могучая Сырдарья, непрерывно угрожавшая берегу, смывает городские кварталы, открывая взору скопления гигантских сосудов, глубокие колодцы, зияющие устья сводов, нависающие башни монументальных строений и сложные системы подземных городских коммуникаций.

Само название городища, бытующее ныне, отражает его историю. Около шестисот лет тому назад в 1392 г. во время одного из завоевательных восточных походов воинственный Тимур оценил значение этого пункта, удобного для переправы, и приказал возвести на берегу Сырдарьи мощную крепость, назвав ее в честь старшего сына Шахрухией. Важным военно-стратегическим пунктом считал Шахрухию последний Тимурид Мухаммад Захираддин Бабур. В XVI—XVII столетиях она была вторым по величине после столицы городом Ташкентского владения в составе Узбекского ханства. Здесь жили наследники ханов Ташкента.

Многие ученые-археологи проявляли интерес к этому городу. Но привлекали их не только страницы истории.

Как показывает маршрут арабских дорожников, Шах-

рухия лежит на руинах более древнего города, известного в восточных хрониках под названием Бенакет. По

Каньон рва, окружающего Шахрухию

описаниям географов Востока, отсюда шли пути к долине Чирчика и далее в Ташкент.

Нам удалось проследить пути, которые отмечены цепочками крепостей: один шел к крупному городу Нукету, стоявшему на месте селения Тойтепа, другой — в горно-рудный район долины Ахангарана.

Следовательно, на месте Шахрухии стоял важный и древний город оазиса. Когда же он возник? Об этом умалчивают древние хроники, но архив сохранился. Это сами руины. И ответ на этот вопрос о возрасте города могут дать лишь археологические раскопки.

Поэтому под его стенами в 1973 г. вырос небольшой палаточный городок, обитатели которого в содружестве с алмалыкскими краеведами заняты раскопками городских руин. Открыта линия городского магистрального водопровода. Система его уникальна. Сложенный из жженого кирпича в форме арки со стреловидным сводом, он проходит под улицей на глубине 4 м. Через одинаковые промежутки с поверхности в него опускались цилиндрические колодцы, служившие для подъема воды и чистки сооружения. Разветвления водопровода в городе завершали сардобхона. Раскопки дают хорошие результаты: вскрыты хранилища с сосудами большой емкости — хумами, мастерские стеклодувов с интересной конструкцией печей для варки стекла и т. д.

Главная задача наших первых раскопок заключалась в следующем — прорезать могучую толщу культурных наслоений, достигнуть самых древних уровней, определить время возникновения жизни города и переправы. Задача эта нелегкая. Мощностъ слоев нависающих над Сырдарьей разновременных построек, которые раскрывают картину жизни различных эпох, местами достигает 15 м. Наш труд был вознагражден интереснейшими находками: расчищая от вековой пыли остатки строений, на глубине около 13 м близ материка мы нашли обломки грубой посуды первых столетий нашей эры. Значит город появился не менее двух тысячелетий тому назад, когда Ташкентский оазис входил в состав Кангюя — страны могучих туров.

Здесь обнаружены прекрасные глазурированные сосуды, подняты и ранние монеты Ташкентского государства: крошечный медный кружок, на одной стороне которого орлиный профиль царя в диадеме, на другой — царский родовой знак тамга и неопределенные значки древней чачской надписи.

Вскрыты монументальные стены раннефеодальных построек, сеть которых особенно густа в IX—XI столетиях, дома из жженого кирпича, водопроводы, хаузы. В IX—X столетиях этот город был торговым и культурным центром, в котором пересекались караванные пути

Начинаются раскопки крепостных сооружений

купцов из Индии и Семиречья, Хорасана и Багдада. Отсюда на восточные рынки вывозились туркестанские ткани и посуда, изделия из металла, оружие.

«Процветающий город» — обычный эпитет Бенакета в устах восточных географов. Воинственный дух горожан запечатлен в сообщениях источников о том, что город лишен крепостных стен саманидскими правителями «ввиду мятежности и вольнолюбия жителей»⁴.

Однако взглянемся внимательно в этот текст — город Бенакет даже в X в. был лишен крепостных сооружений?

⁴ Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-din Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bexr al-Banna al-Basschazi al-Moxaddasi. Editid M. I. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877, ed. 2, 1906, p. 277.

Но ведь мы ясно видим цепочку валов. Значит, либо, несмотря на все совпадения, перед нами не Бенакет (ведь не могли же средневековые путешественники не заметить такой важной детали, как крепостные стены), либо стены появились позднее, чем сообщения хроник о городе.

И начинаются новые раскопки, на этот раз крепостных сооружений. Нашему взору предстает монументальная стена из пахсы — крупных глиняных блоков. А снаружи к ней примыкает полукруг кирпичной башни для обороны на двух уровнях. Нижний ярус — круглый, в форме цилиндра, верхний сужается конусом к вершине. Их разделял бревенчатый настил. Бревна, конечно, не сохранились, но мы расчистили следы 8 балок, расходящихся от центра и выступающих концами над башней. Здесь, вероятно, было специальное устройство для борьбы со стенобитными машинами осаждающих.

Когда же построены стены и башни? Пахса, глиняные блоки — это строительный материал, из которого воздвигались стены и два с половиной тысячелетия тому назад, и в последние столетия. Размер кирпича более определенный, мелкого стандарта, характерный для феодальной эпохи. Но нам и этого недостаточно. Тайну должны раскрыть находки, предметы обихода и оружие воинов-защитников — ведь к башне должны примыкать помещения для отдыха воинов! Действительно, внутри башни мы попадаем в крошечную комнату, отделенную защитной стеной от боевого отсека. Здесь вдоль стен две глиняных скамьи-суфы для отдыха, на полу обломки сосудов — корчажка для воды и пиалы, орнамент которых (синего и черного цвета под белой глазурью) позволяет безошибочно датировать их эпохой Тимуридов — XV столетием.

Ну, а если стены все же возведены раньше и лишь повторно использовались Тимуридами? Раскопки продолжаются вниз. Кладка кончается, вот и основание башни. И здесь нашлась разгадка времени строительства. В фундамент башни для гидроизоляции были уложены тысячи обломков разбитых сосудов — горшков, чаш, хумов. Чаши здесь и VI столетия, и X, и даже начала XIII. Значит, действительно, стены в X столетии не было и возвели ее гораздо позже, после XIII в., скорее всего, при Тимуре, когда воздвигалась крепость Шахруха.

Но задолго до этого город пережил тяжелую историю.

В XI—XII столетиях он становится центром одного крупного рода правящей династии Караханидов, и уже не Ташкент, а Бенакет в конце XII в. чеканит монету.

А когда разразилась борьба между Мухаммадом Хорезм-шахом и татаро-монголами, Чингиз-хан двинул против Бенакета по Сырдарье из Отрара специальный отряд. Осада города на переправе продолжалась несколько дней. После жестокого штурма Бенакет был взят. В раскопках мы встретили следы разрушений и битв в виде пожарищ и руин. Не об этих ли битвах рассказывают легенды?

И лишь через полтора столетия на руинах города выросла новая крепость Тимура.

Так, благодаря раскопкам и источникам слилась для нас воедино история двух городов — Бенакета и Шахрухии.

Загадочная Канка

Загадочная Канка — так в начале нашего века называли туркестанские газеты и журналы руины гигантского города, стоявшего в 9 км к востоку от Шахрухии. Загадочная потому, что ни в одном средневековом источнике не называется так ни один город Ташкентского оазиса. Тысячу лет тому назад караваны из Бенакета через 1 фарсах подходили к Харашкету, о котором не знают сегодня местные жители. Но любой старожил укажет на остатки гигантского городища, расположенного в 9 км к востоку от Шахрухии и носящего название Канка. Могучие руины его мало уступают знаменитому городищу Афрасиаб — древнему Самарканду и в несколько раз превышают шахристан древней Бухары. Его ядро — кала-цитадель — поднимается на высоту более 40 м. Окруженные глубокими рвами, крупные стены и башни Канки и сегодня выглядят неприступной твердыней. С севера вершины цитадели четко прослеживается русло какой-то древней реки, омывавшей и защищавшей город. С трех сторон к цитадели подступают городские территории с самостоятельными стенами и рвами, постепенно нараставшими на юг. Сохранились древние площадки и водоемы, крупные улицы и узкие переулки с густой квартальной застройкой, отдельные монументальные сооружения — храмы или караван-сарай, сложная система предвратных укреплений — двойные ворота со спе-

циальными башнями в городских стенах, узкие пандусы подъемов со стороны рва. Три города примыкали к цитадели, стены которых на севере подходили к некогда полноводной реке. Сегодня безжизненно ее русло. Но наши разведки показали, что в древности на ней было

Улица древней Канки

построено более 30 замков и селений и даже несколько крепостей.

Перед нами не что иное, как древнее русло Ахангарана, средневековой реки Илака, впадавшей, как и рассказывали древние арабские географы, в реку Чача — Сырдарью в окрестностях Бенакета.

Нам довелось услышать легенды о том, что на Канке в древности жил могущественный, но неверный царь Анка, столица которого Канка была неприступной. С тех пор, как он потерпел поражение от Али, город был заброшен. Среди древних обломков в руинах попадаются монеты с портретом этого царя.

Дореволюционные ученые название Канка связывали с упоминаниями Кангхи в древних священных книгах Авесте и Махабхарате, как столицы туранских царей, где нашел убежище преследуемый Кейхосровом Афрасиаб. Но эти ученые во многом ошибались. Не было здесь священного замка Кангдиза Афрасиаба. Только в легендах можно совместить такие далекие расстояния, как побережье Аральского моря и Ташкентский оазис. Да и происхождение самого названия городища более прозаично. На наречии кураминцев, населяющих этот район, оно означает не легендарный замок, а просто холм, видный издали. Но в главном они были все же правы. Город оказался очень интересным. Мало того, перед нами был самый древний городской центр Ташкентского оазиса.

Сверху Канка напоминает три, нанизанных один на другой прямоугольника с одной общей северо-восточной стороной, упиравшейся в реку. Первый — цитадель с шахристаном — совсем маленький, площадью около 7 га. Второй — более крупный, окружен стеной на площади 45 га. И третий — гигантский — более 150 га. Стены всех площадей монументальны. Наиболее высоки и отвесны они у первого, маленького, городища. К тому же его окружает глубокий ров. Если первый городок выделить от остальных, то он будет напоминать восточную античную крепость. Поэтому уже при работе над планом у нас зародилась мысль — не здесь ли древнейшее ядро Канки?

Первый же раскоп разрезал западную стену города от вершины до самого рва и тем самым раскрыл всю сложную картину от зарождения до последних лет жизни в пределах укрепленного ядра малого города. Постепенно стала вырисовываться картина строительства города. Сверху — постройки из жженого и сырцового кирпича. Узкий коридорчик соединяет между собой ряд комнат. Безошибочно можно отыскать хранилища — в них вдоль стен кирпичные ящики для хранения зерна («хамбе»). Есть и парадная комната для гостей — «михманхана». Полы ее выложены жженым кирпичом, а одна из стен украшена росписью, представленной ярким растительным орнаментом. В центре — сандал для обогрева помещения. На окраине хозяйства на склоне стены — кухонное устройство. Три очага, глубокие мусорные ямы, заполненные обломками кухонной и столовой посуды. Рядом по-

мещение тоже с печью, но иной формы: в стенке ее отверстие, в которое вмазана керамическая труба. Это сопло, через которое с помощью мехов вдувается воздух в кузнечных горнах металлургов. Рядом обломок тигля — стаканчика из огнеупорной глины с застывшими каплями меди на дне.

Среди орудий труда найдены половинки миниатюрной каменной формы из талькохлорита, внутри которой вырезана часть граненого кулона «тумара» с надписью «ал-мулк-алла».

Вместе с грубой кухонной посудой в комнатах обнаружена и глазурованная, а также ножи и капгыр. Наибольший интерес представляли находки в одной из ям-хранилищ: 2 целых кувшинчика, ниточка стеклянных инкрустированных бус, 14 медных монет. Монеты оказались дирхемами караханидских правителей Мавераннахра конца XI столетия. Вот и полная разгадка, когда и кто жил в этом хозяйстве, — ювелир-ремесленник XI столетия. Но решена лишь первая задача.

Ярус за ярусом опускаемся вглубь. Рыхлые слои заполнения комнат чередуются с плотными стенами.

Мы в другой эпохе. Это чувствуется повсему. Во-первых, керамическая посуда, целиком неглазурованная. Во-вторых, стены. Они уже не кирпичные. Это мощные блоки пахсы. Толщина их 1,5—2 м. Для прочности они прослоены кирпичом, но и кирпич не мелкий караханидский, а гигантский, длиной иногда более полуметра. Совсем другой тип архитектуры. Это не легкая жилая постройка, а залы площадью по 90×100 м². В центре одной стены суфа-эстрада. На полу почти никаких находок. Только в одном углу крошечная ярко-красная терракотовая статуэтка с изображением женщины, играющей на арфе, и обломок глиняной скульптуры — пальцы человеческой руки, сжатой в кулак.

Скульптура! Женщина-музыкантша! За несколько лет до этой находки школьники принесли археологу К. Абдуллаеву тоже скульптуру музыкантши, но в несколько раз крупнее этой — возможно, часть многофигурной композиции, явно связанной с каким-то культом.

Между рельефными кругами из крупных розеток изображена стоящая лицом к зрителю женщина. Головка в сложном головном уборе, с короной, известной под названием щита богини Артемиды, с линией перлов в виде

распахнутых крыльев. Лицо овальное с миндалевидными глазами и чуть приоткрытым в легкой улыбке ртом.

Ярус за ярусом опускаемся в глубь Канки

В маленьких ушках каплевидные серьги. Одета в короткое легкое платье, поверх которого наброшена накидка

из тяжелой ткани. На подоле плагья фигурка бегущего козла, на ногах—сапожки. В руках у женщины струнный инструмент — лютя.

Фризы с изображениями фигур музыкантов украшали храмы Айртама около Термеза, Топраккалы. Здесь перед нами какие-то крупные залы типа храма, и скульптурка музыкантши лежала совсем не случайно. Рядом с залами удлиненные коридоры, подсобные и жилые комнаты.

В центре стены суфа — эстрада

В одном из них под полом в ямке найден еще один уникальный клад монет, на этот раз более ранних: свыше трехсот медных монетных кружочков, некогда сложенных в мешочках из хлопчатобумажной ткани. Монеты мелкие, не чеканенные, а отлитые в формах, грубые с обрубленными краями.

Чем же поразил нас этот клад? Во-первых, количеством: за все предшествующее время раскопок в городах оазиса в руки ученых попало меньше чачских монет этого времени, чем дал один этот клад. Во-вторых, разнообразием типов и достоинств монет, свидетельствующим о развитом денежном обращении.

Эти выводы очень важны. Ведь VI—VII столетия — пора раннего феодализма считалась в истории Средней

Азии временем господства натурального обмена. Особенно глухой провинцией слыл Чач, стоявший на окраине земледельческих оазисов на границе с кочевой степью. Основываясь на отрывочных сообщениях восточных путешественников, ученые приписывали все торговые операции согдийско-самаркандским купцам. Даже ремесленно-торговые пункты в Чаче и на территории нынешней

Скульптура музыкантши из Канки

Киргизии считались согдийскими колониями. находка же громадного клада монет различного достоинства, разных вариантов говорит об обильной денежной эмиссии Ташкентского государства. Причем то, что были найдены медные монеты, из неценного металла, говорит о том, что отливались они в основном для внутригосударственного хождения. Самая распространенная группа — кружки с изображением на лицевой стороне сдвоенного портрета царя и царицы в коронах с божественными ним-

бами. На другой стороне — родовой знак чачских правителей. Есть надпись. Чачским письмом выписан титул: «хатун» — «госпожа», «хвабу» — «государь». Встречаются монеты с изображением только портрета царя. Лицо его несколько монголоидное. Голову прикрывает опускающийся на уши башлык. На груди ожерелье, в ухе — серьга.

М. Е. Массон, изучавший связи Средней Азии с соседними странами, считает, что такие монеты стали чеканить тюркские правители по образцу византийских.

В кладе есть совершенно оригинальные монеты: кружочки с изображением полуфантастического хищника, напоминающего льва или тигра, — символ сильного независимого Чача. Надписи на монетах представляют интерес и для историков, и для лингвистов-палеографов. Выполнены они арамейским шрифтом, близким к согдийскому и хорезмийскому. Не случайно, наверное, восточные историки этой поры писали, что от Хорезма до Термеза жители, хоть и говорят на разных языках, но понимают друг друга. Даже с первого взгляда ясно, что монеты выпускались не одновременно. На некоторых из них надпись нанесена отдельными знаками, на других — слитно.

Клад поможет нам понять чрезвычайно высокий уровень развития городской жизни раннефеодального Чачского государства, в котором путешественники VII столетия насчитывали несколько десятков городов, среди них такие, как Хатункет («город госпожи»), Джабгукет («город правителя»). Он же помог нам проследить и время жизни храма — от середины I тысячелетия н. э. до VI—VII вв.

Но раскрыть храм целиком, выяснить его историю — это большая особая задача. Наша цель на первых этапах изучения города — дойти до истоков его жизни. И это удалось сделать, лишь прорезав 16-метровую толщу.

Укрепления города возводились основательно по всем правилам античной военной техники. Прежде укладывалась мощная платформа, выступавшая далеко в сторону рва. На ней с отступом от края на несколько метров сооружалась могучая городская стена. Сначала мы считали, что стена была одна, но затем, расчистив свод арки входа, ведущего в еще не вскрытую толщу внутрь города, обнаружили, что к стене изнутри пристроены какие-то

помещения или арсеналы. Снаружи примыкали крепостные башни. Башни округлой формы считались более удобными, чем квадратные, в двух отношениях: во-первых, они облегчали обзор и перекрестный бой стрелами, во-вторых, при обстреле крепости были более прочными и меньше поддавались разрушительным ударам ядер и камнемётных машин.

И стены, и башни построены из крупного квадратного кирпича с рельефными знаками — клеймами и тамгами. Что означают эти знаки — овалы и с-образные фигуры, косые и сдвоенные полосы, якорь? Тамгу ли мастерской или метку определенной партии, изготовленной рабами? Сходные знаки встречаются на кирпичах отдаленных районов и одинаковый стандарт их распространен на обширной территории. Из такого кирпича возведены все античные крепости от Бактрии на юге до далеких северных городов Хорезма.

Сотни тысяч кирпичей уходили на постройку каждой крепости, а ведь вес каждого составлял 50—60 кг. Поднять такой кирпич на высоту 20—30 м при завершении строительства крепости было нелегко. При сравнении с другими городами нам стало ясно, что на Канке раскрыт первый, самый древний в оазисе город поры расцвета античности. Уточнить даты нам помогли находки в башне. Правда, они очень немногочисленны и невыразительны: оружие и бытовые предметы, которыми пользовались воины. В период одного из ремонтов башня была замурована, и на ней возведена новая стена. В завалах и на полах башни остались обломки разбитых сосудов. Но и они для археологов находка! Грубые лепные сосуды соседствовали с фрагментами прекрасной ремесленной посуды. Если первые характерны для оседлых скотоводов, то вторые археологи уже встречали в древних городах.

Прекрасным образцом городской посуды может служить чаша тонкой работы, украшенная снаружи красной краской и заглаженная до блеска специальной костяной палочкой. Такие сосуды известны в древнем Самарканде с конца IV по I в. до н. э. И не отсюда ли этот предмет? Эти-то предметы и подсказали нам наиболее раннюю дату возведения самого древнего города оазиса — первые века до н. э. Маленькая крепость дала жизнь крупному городу уже в первых веках до нашей эры или на грани

нашей эры. Одновременно с проведением ремонта башен этого крепостного ядра сооружается могучая крепостная стена на площади почти в 160 га. И на всех участках этой крупной территории мы встретили следы жизни тех столетий. Перед нами не просто древний город, а самый крупный в оазисе для тех столетий.

И тогда пришла еще одна догадка. Это был период, когда Ташкентское владение вошло в состав могучего Кангюя. Кангюй лежал к северо-западу от Ферганы, в долине среднего течения Сырдарьи. Сначала ввиду малочисленности он зависел от своих соседей гуннов, но затем, усилившись, включил пять малых владений, в том числе и Ташкентское, и стал грозным соперником. В этих событиях упомянута и столица Ташкентского владения. Столица!

Мы привыкли всегда размещать ее на месте Ташкента. Эта традиция идет еще от старинных источников. Ведь почти все многочисленные восточные легенды и сказания относят Ташкент, наряду с Самаркандом и Бухарой, к числу древнейших городов Востока.

Но археологические исследования зачастую опровергают легенды. Так случилось и на этот раз. Если Бухара и Самарканд шагнули в почетный возраст двадцати пяти веков, то Ташкент, как показали раскопки, моложе их почти на тысячелетие. Город зародился почти в середине I тыс. н. э. К истории Ташкента мы еще вернемся. Сейчас же вопрос о первой столице.

Если самостоятельное ташкентское государство существовало еще в первых столетиях до нашей эры, надо искать и столицу этого времени. Название ее дошло до нас в искаженных иноземными путешественниками названиях. Известно лишь, что располагалась она близ реки Сырдарьи. И поиск ее вновь привел к Канке. Становится ясным, почему именно сюда ведут древнейшие пути из Ферганы и Согда, почему вокруг нее вырастают первые города оазиса, почему именно здесь найдено наибольшее количество древнейших монет оазиса с изображением правителя владения и его родовой тамги. Такую монету мы описали в рассказе о Бенакете, но там она была пока одна. А на Канке мы нашли уже 17 монет. Это много, если учесть, что древнейшие слои города открыты на очень маленьких участках.

Гораздо лучше раскрыты верхние слои Канки. Правда, значение города к этому времени значительно изменилось. В жизни Чача большие перемены произошли в пору раннего феодализма.

Вошедший в середине I тыс. н. э. после распада Кангюйского союза в состав государства эфталитов Чач вскоре стал яблоком раздора между ними и кочевыми племенами тюрков, создавших свое независимое государство — Тюркский каганат. В 555 г. каган Истеми во время похода назвал Чач западной границей своего владения. «От кишения всадников в Чаче вода в Гульзариуме (Сырдарье) стала цвета розы», — так впоследствии описывает ожесточенность этих схваток Фирдоуси⁵. Каганы сажают на княжение в Чач своих ставленников — с титулами «ябгу» и «тудуней». Укрепляются связи с кочевниками и торговые пути перемещаются на север ближе к степной границе. Вдоль нее на восток растут города, а на месте Ташкента возникает новая столица. Канка же, потеряв роль столицы, до последних дней остается вторым городом владения, крупнейшим торговым и ремесленным центром. В арабских и персидских хрониках она известна под названием Харашкет и характеризуется как цветущий крупный город. От самых оживленных южных ворот его, через которые входили караваны, от Сырдарьи из Бенакета, вдоль магистральных улиц селились ремесленники-кузнецы и металлурги, гончары и ювелиры.

Наши раскопки охватывают сразу несколько хозяйств: тонкостенные комнатки из мелкого кирпичика, хранилища вдоль стен, в производственной комнате печь со специальной трубой для подачи воздуха с помощью мехов. Кажется, такие печи мы уже встречали в первом раскопе города? Ну, конечно, перед нами вновь хозяйство ремесленника-металлурга. Металлические шлаки около печи, кусочки металла. Но вместе с ними обломки бирюзы, крошечки янтаря. Вероятно, этот мастер специализировался на инкрустации ювелирных изделий самоцветами. Ведь не случайно на Востоке бирюза носила название «камня победы».

⁵ А. Э. Шмидт, *Материалы по истории Средней Азии и Ирана*, «Известия ИВ АН СССР», т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 453; Г. В. Птицын, *К вопросу о географии «Шахнаме»*, Труды отдела Востока Эрмитажа, т. IV, Л., 1947, стр. 297—309.

А рядом отвалы гончарного брака, обожженные керамические штыри. Они вставлялись в стены горнов, а на них подвешивались сосуды для обжига. И хотя печи пока не найдены, можно не сомневаться, что начато исследование хозяйства керамиста Харашкета. А открыть его, познакомиться с прекрасной ремесленной продукцией чачских мастеров для нас не просто интересно.

Гончарный кувшин VII в. из Канки

Один из крупнейших географов древнего Востока ал-Макдиси, перечисляя тысячелетие тому назад товары, представлявшие предметы гордости отдельных регионов, писал, что в мире не увидишь подобного мясу и дыням Бухары, лукам Хорезма, керамическим сосудам Чача, бумаге Самарканда и винограду Герата.

Продукция среднеазиатских гончаров украшает многие музеи мира и является объектом исследования и восхищения искусствоведов и археологов. Но большая часть этих прекрасных чаш с красочными надписями благопожеланий и мудрых сентенций, громадных лаганов с многоцветным орнаментом и блестящей глазурью происходит из Афрасиаба — древней столицы Согда. Чач же не дает такого богатства. Что же, значит, древний географ ошибся? Но было одно обстоятельство, не позволявшее сделать окончательный вывод. Ни один город феодального Чача не подвергался таким широким раскопкам, как Афрасиаб. И лишь теперь, когда начались

большие раскопки в средневековом Ташкенте, на Канке, в Бенакете, в полной мере раскрывается искусство чачских мастеров. Вот только небольшая часть их из ремесленного квартала Харашкета: крупные почти полуметрового диаметра, но удивительно легкие открытые лаганы с резким профилем линий стенок и небольшие чаши с

Керамический дастархан XI в. из Канки

мягкими очертаниями форм, глубокие с коническими стенками миски и разнообразные пиалы для сладостей, формы которых могут воздать честь изобретательности мастера.

Но еще богаче мир художника-керамиста, в творчестве которого мифологические мотивы сплетаются с реалистическими, а нравоучительные благопожелания перерастают в нечитаемый орнамент — арабеску. Нанесенные преимущественно по белому фону под защитой прозрач-

ной свинцовой высококачественной глазури, многие из них смотрятся как самостоятельные произведения искусства, своеобразные миниатюры.

Вот небольшая чаша с фисташковым оттенком фона. Она вся заполнена изображением птицы счастья. Гордый изгиб шеи, плавные контуры фигуры, пышное оперение с чешуйчатым завершением перьев, перемежающееся поясом излюбленного ташкентскими керамистами многократно повторенного благопожелания «ал-йумн». Силуэт птицы выписан одним взмахом кисти, а в отделке деталей широко использован светлый фон — один из компонентов рисунка. Это так называемая роспись резервом, когда цвет фона и рисунка как бы меняются местами. Из крыльев и перед клювом вырастает растительный узор «ислими» — символ бесконечности живой природы.

Но изображения в мягких тонах мало присущи художникам Чача. Чаще всего мы видим сочетание ярких красок — красных, коричневых, лишь оттеняемых мягкими тонами. Это и сочетания красочных бадамча, как бы вырастающих пышными букетами из центра. Иногда рисунок строится концентрически — пояса надписей и более реалистичные композиции. Интересно шествие буйволов. Рисунок даже кажется несколько небрежным, но очень точно передает мерный шаг вереницы домашних животных с перевязанными хвостами и колокольчиками на широких рогах.

Все эти рисунки открывают нам новую школу керамистов, тесно связанную с древними центрами Согдом и Ферганой, но вливающую новую струю в культуру народов Средней Азии X—XI столетий.

Много интересного раскрыто в истории Канки. Но многое еще и неясно. Неясны, например, причины запустения и гибели этого крупного городского центра. Письменные источники хранят об этих событиях молчание. По археологическим материалам город не дождал до монгольского нашествия и прекратил свое существование в середине XII столетия. Каковы причины этого? Интересно отметить, что город стоял на берегу крупной реки. Возможно, это было основное русло Ахангарана. Выше по этому руслу мы насчитали около 30 крепостей и усадеб. Но почти во всех жизнь замирает в XII столетии. Не произошло ли в это время очередного перемещения Ахангарана на север? Оставшись без воды, город и целый ряд

населенных пунктов приходят постепенно в запустение. Ответ на этот вопрос может последовать только в результате дальнейших раскопок уникального памятника.

Поиски Неджакета

Торговый путь из Харашкета вел в небольшой «городок госпожи»—Худайнкет, а оттуда в долину Чирчика к городам Шутуркету или Чиначкету, где сливался с северным. Свой путь мы начали с Чиначкета, лежащего в низовьях Чирчика, около которого упоминается древняя «переправа тюрок». Обычно источники еще упоминают о городе, стоявшем перед ним где-то близ Сырдарьи,—Неджакете или Унджакете.

На первый взгляд сообщения о нем древних авторов, в частности географа X столетия Истахри, ясны: «А Неджакет — он на реке Шаша (Сырдарье), и в его окрестностях собираются воды Парака (Чирчика)». Город был интересен тем, что в нем жили «лодочники, работавшие по рекам Шаша и Парака», перевозившие товары через Сырдарью и Чирчик по караванным путям⁶. Иногда вместо него упоминается Винкерд, населенный даже в X столетии христианами,— последний пункт у переправы при подходе к Чирчику. По сообщениям различных древних источников, можно наметить три возможных места расположения этого города: либо устье Чирчика, на левом или правом берегу, либо на противоположном берегу Сырдарьи.

Как точно называется этот город? В древней арабской графике полностью передавались только согласные. Поэтому читать его название можно было как Нуджкет, Нуджакет, Унджакет. На левом берегу Чирчика в конце прошлого столетия еще стояло селение с близким названием — Ульджакет. И Василий Лаврентьевич Вяткин, археолог и краевед, пытался найти здесь город. Правда, больших успехов он не достиг, тем более, что его не поддержал в этом крупнейший знаток Средней Азии академик В. В. Бартольд.

Город на левом берегу Чирчика? Археолог Г. В. Григорьев, возобновивший в середине 30-х годов археологические разведки в долине, отверг эту версию: «Бессмыс-

⁶ Bibliotheca geographorum arabicorum. Editid M. I. de Goeje, Lugduni Batavorum (далее: BGA), vol. 2, 1958, p. 345.

ленно было бы переправиться через Сырдарью выше впадения в нее Чирчика (делать при этом лишний путь), вязнуть в болотах поймы, а затем через несколько километров опять переправляться через многоводную и капризную реку, тогда как можно было бы избавиться от лишней переправы, переправившись через Сырдарью ниже устья Чирчика»⁷.

Однако и на правом берегу, кроме древнего Чиназа— Чиначекета,—города найти не смогли. Г. В. Григорьев считал, что этот пункт следует искать на левом берегу Сырдарьи по ее старицам.

Мы также решили начать с гипотезы Г. В. Григорьева, предприняв поиск на левом берегу Сырдарьи. От работников Сырдарьинского рыбнадзора, гидрогеологов, рыбаков нам неоднократно поступали сообщения о том, что ниже устья Чирчика на левом берегу Сырдарьи ежегодно, как только Чардаринское водохранилище начинает отдавать воду полям, открывая свои подпоры, среди камышей появляются размытые холмы, обнажаются стены и даже целые дома с глазурованной посудой, стеклянными изделиями, монетами.

Однажды летом, когда спала вода, мы выехали в царство камышовых зарослей, изобилующих дикой птицей. Проехали один проток, впадавший в Сырдарью, другой. И вот поднялись мягкие очертания холмов древнего города, известного у местных пастухов под названием Утурлытепа. Он оказался довольно крупным — площадью более 60 га. Город удобно расположен вдоль берега Сырдарьи, прикрываясь с трех сторон водами ее притока Узяка. Оборона усилена и искусственными валами, и рвами, разделявшими его на три территории. За пределами города—редкие сельские постройки, а на отдельном холме—городской некрополь.

У впадения Узяка в Сырдарью слегка возвышалась над городом небольшая цитадель. Под ее стенами раскопана часть квартала зажиточных горожан. Вода размыла рыхлые слои наносов, и мы смогли совершить прогулку по древней улице, проходившей вдоль Сырдарьи почти на полкилометра. С обеих сторон густая застройка домов, буквально, дом к дому. И только толстые на-

⁷ Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янгйульском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1937, стр. 10.

ружные стены помогают отделить одно хозяйство от другого.

Вот хозяйство купца или чиновника. В парадных помещениях полы выложены фигурной кладкой жженого кирпича. В боковых комнатах найдены сосуды: глиняные с красочной яркой росписью, цветными и прозрачными глазурями, изящные рельефные со штампованным орнаментом и стеклянные — графины стройные вытянутых форм, флаконы цвета бездонной синевы, крошечные баночки для лекарств и масел-благоний. Здесь же обнаружены странные громадные изделия из обожженной глины с рельефным орнаментом и окраской в красный цвет. Форма их парадная. Одно из них стояло на подставке в форме ступни человека, некоторые похожи на очаги, но следов использования не видно. В одном случае часть такого изделия сохранилась в нише стены.

Вероятно, это вотивные очаги, украшавшие священные ниши в парадных помещениях, как символ культа огня, которому поклонялись и кочевники, и многие оседлые жители Чача в домусульманский период. Отголоски этого культа сохранялись еще много столетий.

В этих комнатах вскрыты и украшения: больше сотни бусин из жемчуга, коралла, лазурита, аметиста. Извлечена сердоликовая гемма—печать с тончайшей вязью письмён с зеркально отраженной надписью, содержащей имя владельца, — «Убайдулла ибн Али». Почерк куфический, характерный для X столетия.

Рядом расчищена мастерская ювелира, в которой найдено более тридцати красивых ракушек различных окрасок, некоторые из них были просверлены и обработаны. Обнаружена половинка небольшой формочки из мягкого камня талькохлорита, которая использовалась ювелирами для изготовления ажурных изделий-подвесок. Они отливались из серебра, золота, меди.

В конце этой улицы расчищены печи металлургов со слитками металлов и шлаками, мастерская кузнеца, ковавшего железные орудия труда, горн с подачей воздуха мехами через специальные керамические трубы-кубуры, готовая продукция — серпы, кетмень, ножи. А на улице вдоль берега вскрыты мельницы с крупными и мелкими каменными и клинкерными жерновами, работавшими с использованием как силы животных, так и вод Сырдарьи.

Город поражает разнообразием предметов кочевого быта. Вместе с прекрасной ремесленной посудой в домах сохранилась как родовая реликвия лепная посуда, изготовляющаяся по традиции. Много посуды с резным орнаментом, красной окраской, выполненной в подражание металлическим и бронзовым сосудам.

О том, что здесь преобладают осевшие кочевники — тюрки, рассказали нам не только бытовые предметы, но и сами портреты жителей. Рядом с городом на отдельном холме раскопан городской некрополь. Антропологи не только установили расовый тип населения, но и примерно подсчитали количество жителей этого города. Основное население — тюркское, близкое к кочевой среде, круглоголовое с широкими скулами, не похожее на древних жителей оазисов, которые, по описанию географов Востока, имели впалые щеки, удлиненное лицо и густые брови. Удалось установить среднюю продолжительность жизни — 32—33 года. По данным подсчета количества погребенных и периода, когда вырастал некрополь, установили, что состав населения города колебался от 8 до 12 тыс.

Кажется, все ясно — город найден, этапы его жизни совпадают с сообщениями хроник. Но есть и еще один важный фактор — караванные пути. А изучение их показало, что найденный город стоит в стороне от основных караванных путей Чача. Мало того, его главная нить ведет за пределы оборонительных стен Ташкентского сазиса.

Значит, найденный интересный торговый и ремесленный пункт не входит в состав Чачского государства, а скорее всего является одним из городов его соседнего владения — Фараба. Следовательно, все труды были напрасны, и поиски нужно начинать заново.

А может быть логические выводы Г. В. Григорьева неверны и город где-то на левом берегу Чирчика, между его основным руслом и оставленным ложем—«Колгап Чирчиком»? Ведь не случайно историк X в. Истахри подчеркивал, что «в нем (Унджакете) собираются воды Чирчика»⁸, проходившие тогда, вероятно, по обоим руслам. Может быть, В. Л. Вяткин просто указывал

⁸ BGA, vol. 2, p. 345.

примерное место этого города, а детальным поиском его не занимался?

Наш археологический отряд вновь начал с исходных позиций от Худайнкета—Аккурмана. Цепочка крепостей-замков повела нас к Колган Чирчику с удобными для переправы берегами, где, по сообщениям старожилов, с давних пор существовала паромная переправа, а затем к междуречью двух русел Чирчика у селения Гуль, старое название которого Ульджакет, к руинам древней крепости, расположенной в 1,5 км от русла Сырдарьи.

Крепость ориентирована по странам света, почти квадратная, до полукилометра в каждой стороне стены. Оборонительные валы сильно оплыли. В северо-восточном углу небольшая цитадель, отделенная от города рвами. Лишь узкий перешеек входа связывал ее с основной территорией. Город защищен не только крепостными стенами, но и рвом.

При раскопках выяснилось, что цитадель возвышалась над городом благодаря проложенной под ней специальной платформе — «подушке» из крупных пахсовых блоков, по краю которой проходила двойная стена с обводным коридором.

В жилых кварталах слои жизни оказались не очень мощными — три-четыре столетия. Дома только из средневекового мелкого кирпичика и пахсы. Посуда из самого нижнего пола глазурованная, есть красноощенные сосуды, орнаментированные рельефным рисунком.

Изучение города показало, что построен он поздно, не раньше IX в., период наивысшего расцвета приходится на X—XII столетия. Почему же он здесь появился? Оказывается, на этом месте была одна из удобных переправ через Сырдарью, здесь и жили лодочники, перевозившие товары по Сырдарье и Чирчику.

Крепость защищала обе переправы. Здесь останавливались на отдых караваны после тяжелого пути через степь и переправы через могучую реку Чача, подготавливали к продаже свои товары купцы перед въездом в первый крупный торговый пункт оазиса Чинакчет. Унджакет упоминается не только в исторических хрониках X—XII столетий, но и в хозяйственных вакуфных документах XV столетия. Так, при описании границ земель крупного богача, феодала, религиозного деятеля XV в. Ходжи Ахрара в составе его ташкентских владений упо-

минается «Уджокати Ляби-об», стоявшее между Сырдарьей и протоками Чирчика. Да и дошедшее до наших дней название Ульджакет является лишь слегка искаженной передачей старого.

Чиначекет — Чиназ

Переправа через Чирчик могла проходить либо у Неджакета и тогда караваны попадали в Чиначекет, либо значительно восточнее у современного Иски Ташкента, где, по мнению известного востоковеда В. В. Бартольда, в древности стоял город Шутуркет⁹.

Попробуем переправиться по основному пути к Чиначекету. Ведь город этот интересен, во-первых, тем, что около него сливались в X столетии две ветви пути, шедшие в Чач с запада, — южная и северная. Во-вторых, он стоял на границе оазиса со степью. Древние авторы, в частности Истахри, Ибн Хаукаль, отмечали, что основное население Чиначекета живет «в войлочных домах», т. е. в юртах¹⁰. В городе в юртах? Но мы знаем о таких городах в Золотой Орде, в Поволжье, где оседающие кочевники жили в юртах внутри города, в Ичанкале, где обязательно во дворе хивинского хана стояла юрта, да и, вероятно, не только у него одного. И в наши дни в скотоводческих районах Монголии рядом с современными домами еще стоят традиционные юрты.

Средневековый Чиначекет — яркий пример древнего города, города тесных контактов земледельческой и скотоводческой культуры. Если двинуться от устья Чирчика вверх по его долине, то первые крупные руины его откроются нам на восточной окраине города Чиназа. От древности сохранилась лишь центральная часть его — крепостное ядро, т. е. цитадель и оборонительные валы северного и восточного фаса. Ответ на вопрос «когда появился город?» должны дать раскопки, доведенные до самого основания городища.

В сохранившейся части обнаружены остатки жилых домов XI—XII столетий с прекрасной глазурованной посудой, металлическими орудиями труда и бытовыми из-

⁹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 228.

¹⁰ Ю. Ф. Буряков, Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, Ташкент, 1975, стр. 49—50.

делями. Крепостная система города состояла из двух мощных стен с коридором, по которому могли скрытно передвигаться защитники крепости в период ее обороны. Город вырос около полутора тысяч лет тому назад. Перед бастионами открыты остатки древних рвов и естественный проток одного из рукавов Чирчика, так что крепость удачно вписывалась в рельеф местности, усиливавшей оборону. Стены его выдерживали и сражения тюрок с эфталитами, и нашествие арабского Халифата. Крепость размером почти в 25 га была довольно крупной для раннефеодальной поры раздробленности. Но когда при саманидских правителях Средней Азии в IX—X столетиях начался расцвет городов централизованного государства, как центров торговли и ремесла, рамки крепости стали узки для нового Чиначекта, оборонительные стены стали трещать под давлением ремесленных кварталов. То, что не смогли сделать завоеватели, сделала мирная пора расцвета. Крепостные стены были погребены под новыми жилыми домами города, раздвинувшего свои пределы в три раза.

Мы не нашли оборонительных стен Чиначекта X столетия. Да их и не было. Восточные историки сообщают, что Чиначекет, как и Бенакет, был лишен городских стен «ввиду мятежного духа жителей»¹¹.

Археологу очень трудно изучать Чиначекет в отличие от многих древних городов, потому что он живет и сейчас. Это затрудняет определение его древних границ и планировки. Мы можем только сказать, что в отличие от некоторых городов оазиса Чиначекет располагал большей площадью, занятой под юртами бывших кочевников, осевших в городе.

Юрты не оставляют такого мощного культурного слоя, как дома из кирпича или пахсы. Но находки и в этих кварталах очень интересны. Вместе с глазурованными керамическими блюдами X—XI столетия найдены два массивных витых браслета из высокопробного серебра. Обнаружены и более ценные находки. Однажды летом учитель чиназской школы А. Тагаев обрабатывал приусадебный участок около своего дома. Неожиданно под ударом кетменя что-то зазвенело. После расчистки оказался позеленевший от времени кувшин. А. Тагаев по-

¹¹ BGA, vol. 2, p. 277.

пытался поднять его, но не смог. А когда, очищая от глины, опрокинул, на землю потекла струйка серых монет. Клад! Двенадцать с половиной килограммов серебра!

Монеты! Золотые, серебряные, медные! Обычно они встречаются в виде черных или позеленевших от времени кружочков, овалов, сердечек — оруденевшего мертвого металла. Но, попадая в руки ученых, мертвый металл вдруг оживает. После тщательной расчистки появляется изображение головы царя в шлеме, божества, священных стражей огня или хищника с разинутой пастью, а иногда и надписи. Ученые бережно собирают монеты разных времен и государств, раскрывающие нам тайны истории людей. Ведь на этих немых свидетелях старины часто указывается год выпуска, имя правителя и верховного владыки, ценность и качество металла и даже религия, которой придерживалась правящая верхушка. Так случилось с чиназским кладом. Монеты его чеканились, главным образом, тысячу лет тому назад — в первой половине X столетия. Есть в них отдельные монетки из иранских городов, но основная масса чеканена в городах Средней Азии.

Через Чиначекет, соединявший северный и южный караванные пути Чача, проходили и транзитные караваны, груженные шелковыми и золотошвейными тканями, хрупкими стеклянными сосудами и драгоценностями. Здесь же, вероятно, формировались специальные караваны в степь к кочевникам — с седлами, луками и стрелами, изделиями из металла, шерстяными тканями и коврами, глиняной и металлической посудой. Сюда же пригонялись стада лошадей и мелкого рогатого скота. Высоко ценились чачские товары. Но еще выше ценились тяжеловесные высокопробные серебряные дирхемы из чачских рудников.

Десятки тысяч рабов трудились в недрах гор, а на самом крупном руднике даже был специальный государственный монетный двор, где монету снабжали «паспортом» с указанием года, места чеканки, имени правителя и благословения аллаха. В Швеции и Норвегии, Новгороде и городах Западной Европы, вплоть до Северной Исландии находят сейчас клады этих монет.

Основная масса монет нашего клада чеканена во второй четверти X в. при саманидских эмирах Нухе бин Насре и его сыне Мансуре бин Нухе. Около полустолетия

пропутешествовали эти монеты, переходя из рук в руки, пока не возвратились вновь в пределы Чача. Но вернулись они не одни. Вместе с ними в кладе несколько серебряных монет другого типа, отличающихся размерами и надписью, видимо, составленной мастером, совершенно не знавшим арабского языка. Он копировал ее с саманидских монет так грубо, что ее трудно и даже невозможно прочитать. Как полагают нумизматы, подобные монеты изготовлялись в государстве булгар на Волге. Причем, зная ценность саманидских дирхемов, булгарские монетчики подделывали под них свои монеты.

Возможно, оттуда в Среднюю Азию выехал купец со смешанным капиталом за товаром. Видимо, какие-то события, а конец X столетия был беспокойным временем борьбы за власть Саманидов с кочевой династией Караханидов, заставили купца спрятать свой капитал до лучших времен. Так ценный клад стал через тысячу лет достоянием науки.

Крепости на пути к столице

Путь от Чиназа к средневековой столице проходил по зеленой долине Чирчика мимо городов, крепостей и селений. Следующим после Чиначекета на пути упоминается Шутуркет. Тысячу лет тому назад это был крупный город — третий по величине в Чаче после столиц Бинкста и Харашкета. Руины его открыты еще в прошлом столетии на правом берегу Чирчика в местности Иски Ташкент.

О древности Шутуркета говорят народные сказания о легендарном богатыре Таше, якобы основавшем здесь свою столицу. К сожалению, изучением города никто не занимался, а на сегодняшний день он почти весь смыт Чирчиком и лишь изредка в период разливов в обрезах берега реки появляются крупные сосуды — хумы, глазурованные чаши, обломки керамических шлаков и стенок гончарных горнов.

Целое скопление крепостей открыто около Янгиюля. Самая древняя из них расположена в самом центре города.

Сколько лет Янгиюлю? Вопрос этот может показаться странным современным жителям, так как статус города Янгиюль — один из самых молодых и быстрорастущих

городов нашей республики — получил совсем недавно. И вместе с тем — это один из самых древних центров городской культуры оазиса. Городу около двух тысяч лет. А вообще жизнь на его месте появилась еще полутысячелетием раньше. Это доказали археологические раскопки.

На левом берегу древнего протока Куркульдук расположены руины древнего городища Каунчитепа. Первые его археологические раскопки предприняты еще в середине 30-х годов. Правда, датировка древнего материала тогда еще не была разработана учеными достаточно хорошо, поэтому древние слои были отнесены к середине I тысячелетия до нашей эры. При последующих исследованиях находки, похожие на каунчинские, открыты на широкой территории оазисов и степных районов в Ташкентской области и Южном Казахстане, в Киргизии, а на западе — вплоть до Бухары. По месту первой находки всю эту культуру называли Каунчинской. Вместе с тем стало ясно, что в датировке слоев древнего Каунчи допущена ошибка — материалы, относящиеся к основанию города, почти на полтысячелетия моложе.

И в Янгиюль выехала новая археологическая экспедиция. Перерезана мощная толща наслоений, оставленных жителями города. Сняты слои X—XII столетий, расчищены остатки комнат со сводами и толстыми стенами, примыкающими к оборонительной системе раннефеодального города. Под ними более ранние. Первая система городских укреплений. Комнаты из крупного кирпича и глиняных блоков. Архитектура монументальная. А бытовые предметы больше характерны для осевших на землю кочевников, чем для земледельцев. Посуда плоскодонная, но грубая, вылепленная от руки, да и обжиг ее больше похож на костровый, чем на керамическогорновой.

Орнаментация сосудов тесно связана с животноводческим хозяйством. Ручки кувшинчиков и кружечек иногда в виде фигурки животного, чаще всего барана, головка которого поднимается над устьем сосуда, как бы заглядывая внутрь. На стенах котлов и горшков налипной извилистый орнамент в виде змей либо козлиных или бараньих рогов. Здесь же найдены какие-то странные терракотовые подставки, так называемые «шашлычницы», обожженные в костре, продолговатой формы, делки со скульптурным изображением на каждой с двух

сторон бараньих голов с завитыми рогами. Иногда они вылеплены высокохудожественно, чаще упрощенно, стилизованно; рельефными насечками показана шерсть животного.

Изображения эти не случайны. В первом тысячелетии до нашей эры среди широкого круга полукочевых и кочевых народов в степях от Средней Азии до Причерноморья был распространен культ божества, носителя высшей благодати — «фарна». Чаще всего это божество изображалось в виде крупного барана с золотыми рогами. Символами его и были все элементы животного, изображенные на сосудах и подставках. Но вместе с кочевыми элементами в домах первых каунчинцев мы встретили и следы уже прочной оседлости. Помимо самой монументальной развитой архитектуры, об этом говорит находка зерна пшеницы, зернотерок и жерновов для приготовления муки. На дне крупных сосудов сохранились отпечатки зерновой подушки, на которой лежал сосуд. Зерно нашли даже в кирпиче, куда оно попадало с соломой.

Значит каунчинская культура была культурой народов, занимавшихся и земледелием, и скотоводством. В некоторых районах, например, в долине Чирчика и Ахангарана, были основаны поселения и города, а в степях каунчинцы вели полуоседлый и кочевой образ жизни. Это и были настоящие кангюйцы. Как датировать эту культуру? Из античных источников известно, что кангюйцы передвинулись в долину Сырдарьи в начале II в. до н. э. и господствовали до III—IV вв. н. э. Вот в это время благодаря удобному расположению близ крупной водной артерии Чирчика на базе хорошо регулируемого источника Куркульдука и появляется первая крепость на месте Янгиюля.

Куркульдук сначала был самостоятельным саем, о чем говорит извилистое естественное, иногда изменявшееся русло, какого никогда не будет у канала. Но затем, когда своей воды не стало хватать, его подсоединили к Чирчику. Удобные земли для земледелия, луговые травы для выпаса животных и широкая зеленая пойма Чирчика с обилием диких животных и птицы способствовали развитию комплексного хозяйства и постепенному оседанию кочевников. А усиление роли торгового пути в кочевые районы в период Тюркского каганата привело к

разрастанию укрепленного поселения в городок — один из транзитных пунктов на большом караванном пути. А таких пунктов-крепостей вдоль пути было много. Один из них сохранился в виде высокого холма округлой формы, известного под названием Югантепа или Чангтепа и являющего собой зеленый постамент памятника Дружбы народов.

При строительстве этого обелиска вместе с архитекторами на холм пришли археологи. Почти два месяца

Холм древней крепости Чангтепа

велись раскопки древней крепости. Раскрыт «слоеный пирог» поднимавшихся одно над другим древних укреплений. Первое из них выросло на выгодном в стратегическом отношении естественном холме, омываемом водами Куркульдука в первых столетиях нашей эры. Для этого холм был усилен искусственной платформой — стилобатом, на вершине которого возведены крепостные стены из крупного кирпича. Стены с откосом наружу, так что толщина их в основании составляла 6—8 м. Внутренняя планировка проста. Двор с вымощенными булыжником дорожками, несколько хозяйственных помещений с грубой каунчинской посудой и сосудами-хранилищами, каждое из которых вмещает подчас несколько сотен килограммов зерна.

Вокруг дворика вдоль стены — обводной крытый коридор для воинов. Здесь все приспособлено для целей обороны. В тот период, особенно в III—IV вв., междоусобные войны были явлением довольно частым. Как удалось нам проследить, в течение нескольких сотен лет крепость ремонтировалась или вновь вырастала на руинах не менее пяти раз. Вокруг нее сложилось довольно крупное поселение земледельцев, в критические моменты находивших убежище за стенами крепости. Но в период Тюркского каганата, вероятно, в связи с разрастанием соседних городов необходимость в этой крепости исчезает, и она надолго забрасывается. И только в XI—XII столетиях с приходом к власти новой династии кочевников — Караханидов, раздававших земли своим военным приверженцам, крепость вновь оживает: появляется небольшая диканская усадьба, каких много вырастает в это время в Ташкентском оазисе. Со второй половины XII столетия жизнь на Югантепа прекращается окончательно.

Средневековая столица Чача

К средневековой столице оазиса — Бинкету дорога проходила от Югантепа мимо городков Залтикета и Баункета. Начиная с XI в. Бинкет, войдя в состав государства Караханидов, получает новое тюркское название Ташкент.

Как мы уже отмечали, Ташкент, как и Самарканд, и Бухара, относится к числу древнейших городов Средней Азии, но в отличие от них он не сохранил своей письменной истории. Неужели древние страницы истории пропали бесследно? Ведь, если был город, значит где-то должны сохраниться остатки домов и замков, оборонительных стен и башен. Но в их поисках есть свои трудности. Ташкент сегодня застроен густо и живет бурной жизнью. И все же изучать его можно. Археологи в Ташкенте работают вместе со строителями, возводящими новые жилые дома и промышленные предприятия, перепланирующими старые обжитые районы, прокладывающими трассы газопровода и метро.

На территории города открыто больше 20 памятников древней культуры, из них несколько городов. На Чирчике стоит квадратная крепость — городище Хана-

бад. Археологи определили его как средневековый городок Нуджкет, стоявший на пути из Чача в Илак. На юго-западной окраине — холмы Кугаиттепа или Ногай-курган, тоже древний городок, хотя и небольшой. Возможно, это и есть упоминавшийся нами выше Банункет, расположенный в фарсах от столицы Чача.

Грандиозными размерами особое внимание привлекли руины, сохранившиеся в центре города. Изучение старых топографических карт Ташкента показало, что перед нами остатки древнего города, занимавшего обширную площадь. В прошлом столетии эти Мингурюкские горки были местом городских гуляний, у их подножья открывалась ярмарка.

Развалины города тянулись на юге вдоль канала Салар, на севере включали нынешнюю территорию парка культуры им. М. Горького. Площадь его составляла около 40 га. Это его считают местом обитания легендарного правителя Турана—Афрасиаба. Грандиозные руины еще с прошлого столетия привлекали внимание любознательных краеведов, но научного изучения тогда еще не проводили. А между тем при постройке Ташкента через памятник был проложен ряд проспектов. На территории шахристана построены корпуса учреждений, жилых домов. Поэтому сохранилась лишь незначительная, хотя и высокая (более 20 м), часть города и его цитадель площадью около гектара. И по этой небольшой части нужно восстанавливать целое.

Первые укрепления города возникают в IV—V столетиях, когда Чач становится широко известным. Сюда приезжают купцы, путешественники, послы. Особенно широко разрастается он с вхождением в состав Тюркского каганата. К власти в Чаче приходят тюркские правители — тудуны. В сообщениях историков этого периода говорится о воинственности и свободолюбии жителей Чача, об их мирных занятиях земледелием и скотоводством, о прекрасных чачских конях, оружии и т. д.

Археологические раскопки показали, что город был обнесен новой крепостной стеной, охватившей, вероятно, разросшиеся пригороды ранней крепости. Внутри него появляется цитадель, отделенная стенами, выложенными из гигантского кирпича и блоков пахсы с выступающими могучими прямоугольными башнями — пилонами ступенчатой формы.

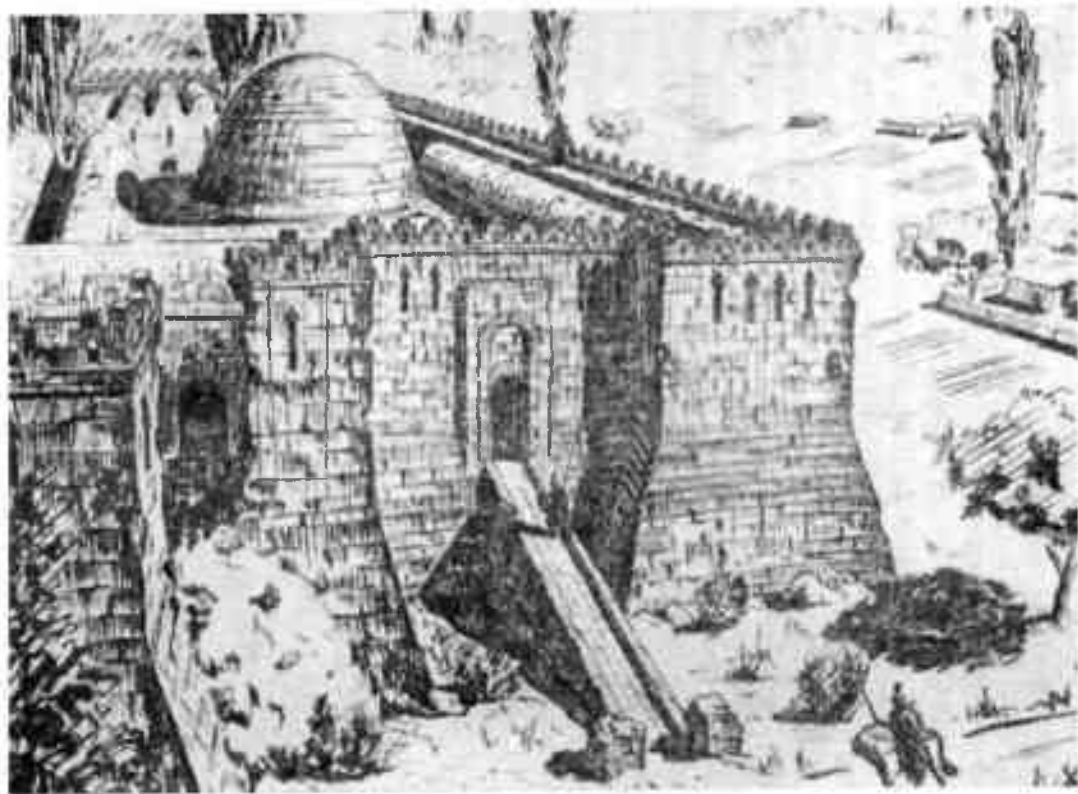
Вероятно, их высота была внушительной, если и сейчас через полторы тысячи лет они поднимаются над стенами на высоту 5—6 м. Проломы и бреши красноречиво рассказывают об упорных войнах. В город с боем вошли тюркские ставленники. Но они не разрушили его, а, наоборот, укрепили. Старые башни были «взяты в рубашку», т. е. застроены с обеих сторон новыми стенами. Сохранились остатки сводчатых перекрытий жилых и парадных помещений. Отдельно в цитадели стоял замок правителя, представлявший собой крепость в крепости. Его гладкие внешние поверхности стен с легким расширением книзу оформлялись по углам округлыми пилонами. Внутри — парадные залы и подсобные хозяйственные помещения. Залы когда-то были украшены монументальной настенной росписью с поясами перлов и растительными мотивами.

Вокруг города стояли замки феодалов, храмы, загородные некрополи. Они поднимаются высокими холмами, обычно носящими сейчас название Актепа (белый холм). Актепа есть в Кукчинской, Чагатайской, Чиланзарской и Юнусабадской частях Ташкента.

Раскопки холма Юнусабадского Актепа начаты еще в 1940 г. Окруженный мощными рядами оборонительных стен с коридорами, казармами и башнями, замок состоял из поднимавшихся в два этажа помещений дворца феодала и служебных построек для слуг и воинов. Снаружи его опоясывал глубокий ров, соединявшийся с каналом. Вход через него осуществлялся с помощью подъемного моста, проходившего вдоль бойниц самой крупной башни.

Раскопки показали, что двухэтажный дворец поставлен на искусственную платформу, возвышаясь над всеми дворцовыми постройками. В окружавшем его вдоль крепостной стены коридоре устроены сужения-ловушки, позволявшие ее защитникам уничтожать из-за прикрытия противника, попадавшего в эти своеобразные мешки. Тайный подземный ход выводил из одного помещения второго этажа прямо ко рву, наполненному водой.

Казалось бы, перед нами типичный феодальный замок. Здесь все подчинено вопросам обороны. Это характерно для поры раннефеодальной раздробленности. Но впоследствии выяснилось, что в VI—VII вв. вокруг замка была застройка и довольно густая. Перед археологами

Замок правителя в цитадели

встали новые задачи. Может быть, это не замок, а еще один городок, каких немало в окрестностях Ташкента?

Случайные находки позволяют открыть и погребальные памятники. На юго-западной окраине Ташкента в жилом массиве Чиланзар поднимаются невысокие холмики, известные под названием Красной горки. Однажды житель этого массива Ш. И. Радченко, выбирая глину для ремонта дома, наткнулся на метровой глубине на раз-

Башни Чиланзарского Актепа

давленный сосуд непонятной формы, из которого посыпались кости. На место сразу же прибыли археологи. Начав расчистку земли, они нашли два сосуда-ящичка, набитые человеческими костями. Один по форме напоминал юрту, но только был не округлой, а овальной формы. Длина его 80 см, высота меньше полуметра. Вторым, таких же размеров, более интересен: его стенки украшены процарапанными линиями и прорезанными насквозь бойницами, напоминая крепостную башню феодального замка типа Актепа. Эти ящички использовались для захоронения сторонников зороастрийской религии. Но как похоронить в таком крошечном сосуде взрослого человека? По этой религии жизнь человека управлялась действием двух божеств: бога добра — Ахурамазды и бога зла — Арримана. Человек мог помочь богу добра, обрабатывая землю. Все стихии—земля, вода, воздух, огонь—

считались священными. Умерших, чтобы не осквернить этих стихий, нельзя было ни закапывать в землю, ни сжигать. Поэтому их выносили на специально сделанные постройки «башни молчания» или «дахмы», где хищные звери и птицы объедали труп. А кости, после того, как их обмыло дождем, обсушило солнцем и ветром, укладывали в ящички-оссуарии, которые хранились в погребальных камерах — наусах. Полтора тысячелетия тому назад

Типичные руины феодального замка

этот обряд широко распространен среди земледельческого населения Ташкентского оазиса. Тогда-то вокруг столицы и вблизи окружающих ее замков появляются оссуарные кладбища — некрополи.

Но и дворцы правителей столицы, и замки, и некрополи дошли до нас в разрушенном состоянии по вине не только губительного времени, но и человека. При раскопках дворца в цитадели столицы археологи наткнулись на следы гигантского пожара и уничтожения. Эти трагические события связываются с борьбой чачцев против арабского халифата. Связанный союзными узлами с Согдом, Чач в 712 г., когда Самарканд осаждают арабы, двинул на помощь отряд знатных воинов, который в ночной засаде был разбит. Арабы, захватив Самарканд, в

713, 714 и 719 годах направляют сюда свои войска. Завхватить Чач тогда им не удалось, хотя область и ее столица подвергались осаде и разрушению. До нас дошло письмо согдийского посла в Чаче Фатуфарна своему правителю Деваштичу, укывшемуся в горных районах Зарафшана и направившему послов с письмами в Чач и соседние районы, связанные союзными узами. Из письма мы узнаем, что Чач в период борьбы заключил союз с Согдом и районами Средней Сырдарьи, объединив земли далеко на север. Борьба продолжалась вплоть до распада Тюркского каганата в 739 г. Только тогда смогли появиться здесь наместники халифата, хотя борьба против них продолжалась и позднее. И в этот период была разрушена столица тюркских правителей Чача.

Столица Чача на месте Мингурюкских горок осталась лежать в развалинах, но к северо-западу от нее с конца VIII столетия на базе вод канала Бозсу вырастает новая столица, у арабов получившая название Бинкет, а с XI столетия появляется его новое наименование — Ташкент.

Древний Бинкет — археологическо-заповедная зона, строительство в которой может проводиться только под надзором ученых-археологов. Вести раскопки в бурно живущем сегодня городе очень трудно, отдельные факты собираются годами и десятилетиями. Сбор материалов по истории Ташкента длительное время вел проф. М. Е. Массон, затем автор. А с 1966 г. приступила к работе специальная экспедиция под руководством археологов В. А. Булатовой и М. И. Филанович.

Тысячу лет тому назад город был окружен оборонительной стеной с тремя воротами. Вдоль одной из стен стояла цитадель, одни ворота ее выходили в город, другие — в пригороды: внутренний с десятью воротами и внешний с семью. Вероятно, они охватывали громадную территорию.

Не случайно (конечно, с определенной долей преувеличения) географы X столетия сообщали, что площадь Бинкета с пригородами составляла «фарсах на фарсах» т. е. около 50 км². Город славился обилием садов, и, конечно, было трудно отделить пригородные участки от чисто городских кварталов. Работы этнографов по Ташкенту показали, что каждый крупный ремесленник и горожанин имел пригородный участок с садом, куда выезжал на лето и где продолжал заниматься ремеслом.

Иногда это летнее расселение было коллективным. В один пригород выезжал целый квартал, давая пригородной части свое название. Поэтому некоторые городские кварталы Ташкента — «махалля» и пригородные «мауза» — имеют одно и то же название.

Ядро города располагается в треугольнике между площадью М. И. Калинина на севере, где совсем недавно возвышались остатки старой крепости «Иски джува» (Старая башня), Ходра на юго-востоке и Ахунбабаева на юго-западе. Кварталы и улицы около базарного центра тесно связаны с ремеслами, и многие из них до недавнего времени назывались по профессиям их жителей — махалля кузнецов, гончаров, мастеров по выделке кож, игл, наконечников стрел и т. д.

Раскопки археологов в местах строительства показали, что вдоль улицы Навои с запада на восток проходила городская стена. Первые ее остатки открыты в 20-е годы, а продолжение нашли в 1976 г. около медресе Кукельдаш. Поблизости же открыты ремесленные кварталы керамистов с полуподземными круглыми в плане гончарными горнами, прекрасной глазурованной посудой, жилые дома и улицы, каналы, ремесленные мастерские IX—XII столетий, строения из сырцового и жженого кирпича, монеты. Несколько кладов хранятся сейчас в Музее истории народов Узбекистана: серебряные дирхемы, медные фельсы, монеты как VIII—XII, так и начала XIX столетий. Среди них есть редкие, уникальные — первые монеты саманидских правителей, чекан Чача, монетного двора на чачском руднике.

Но раскопки идут не только в центре древнего города.

Чиланзар! И здесь вместе со строителями работают археологи. Раскрыто Актепа Чиланзарское. Много раз перестраивалось оно в VI—VIII столетиях. Служило храмом и замком. Но всегда оставалось крепостью. При закладке зданий обнаружены следы жизни других эпох— X—XV столетий. Раскрыты гончарные печи, отвалы бракованной продукции керамистов, их печной припас— треножки — «сепоя», на которые ставились в печь при обжиге чаши и пиалы.

Эти находки не случайны. Ведь здесь проходил средневековый путь из Ташкента в Согд, Самарканд, стояли Самаркандские ворота, о чем напоминает улица с тем же названием — Самарканд-дарваза.

В начале XIII в. Ташкент дважды сильно пострадал от войн и междоусобиц: вначале при последнем хорезмшахском правителе Мухаммаде, который, присоединив Ташкентский оазис и Фергану, в последующие годы борьбы с ханом кочевых восточных племен найманов Кучлук-ком приказал разрушить эти земли, а жителей переселить. Второе разрушение произошло во время нашествия Чингиз-хана.

Однако город выдержал эти удары и окреп вновь. Сильной крепостью он стал вновь при Тимуре и Улугбеке, а в XVI—XVII столетиях был столицей одной из ветвей узбекских правителей. История Ташкента исключительно интересна. Она достойна особой книги. Здесь же мы коснулись лишь ее отдельных страниц по археологическим материалам.

КАРАВАН УХОДИТ В ГОРЫ

Из столицы Чача Бинкета расходился веер караванных путей. Основной вел на север к Исфиджабу, а оттуда через горные районы Киргизии в Кашгар, Сибирь, восточные страны. Второй шел на юг к столице Чачской подобласти Илака — Тункету, затем к рудникам и через горы в Фергану. Был путь и на восток в горные районы Чача. Мы не будем проходить северным путем, так как он расположен через несколько фарсахов, и, минуя «небольшой красивый городок Джабгукет, где в древности был военный лагерь Чача», как сообщал неизвестный автор интересного исторического сочинения «Худуд ал-Алем», выводил за пределы Ташкентского оазиса¹².

Мы пройдем по внутренним путям владения в чачские и илакские города. Путь на восток шел через городки Хатункет, Паргуш, Харджанкет и в долину Пскема и Чаткала.

Сложнее всего на этом пути отыскать небольшой городок Хатункет, стоявший от Бинкета всего в двух фарсахах. К нему можно отнести остатки древних руин Тугайтепа, южнее с. Дурмень. Как и Джабгукет, это небольшой город-крепость прямоугольной правильной формы, ориентированный по странам света. Восточный фас его

¹² Худуд ал-Алем, Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда, Л., 1930, л. 24 б.

усиливала квадратная цитадель, отделенная от самого города искусственным рвом. При раскопках его открыты остатки строений от середины первого тысячелетия нашей эры до монгольского нашествия начала XIII столетия.

С определением других городов дело обстояло несколько легче, так как путь шел вверх по долине Чирчика, да и расстояния, хотя и приблизительно, указаны.

В пяти фарсах от Бинкета на этом пути стоял город Паргуш или Баркуш. Мы сейчас примерно на этом рас-

Руины цитадели древнего Паргуша

стоянии видим с. Паргос, название которого близко имени древнего города. Но дело не только в сходстве названий. На южной окраине его руины древнего городища, расположенного не только на удобной площадке берега Чирчика, но и в голове крупнейшего древнего канала Зах. Город вырастал вдоль канала Зах, у выхода которого из Чирчика стоит округлая цитадель Паргуша, отделенная от города рвом.

Чтобы определить время появления жизни, следует прорезать всю его толщу. А она оказалась немалой. Лишь на глубине 7 м началось основание, состоявшее из галечниковых наносов реки, смешанных с лёссом. Выше — укрепления в несколько уровней и жилые дома.

В самом нижнем слое — орудия труда, обычные для каунчинской культуры, грубо вылепленные сосуды, каменные отбойники, зернотерки. Выше — укрепления VI—VII столетий, в них — кувшины, чаши. Площадь, занятая селением этого времени, больше, чем каунчинская. Но еще больше разросся городок в IX—XII столетиях. Наверное, начало ему положил укрепленный замок, поставленный в первых веках нашей эры в голове проведенного канала. И в то же время воды этого канала способствовали росту жизни вдоль его берегов, формированию здесь большой земледельческой округи. Помогло этому и положение его на торговом пути. Здесь могли останавливаться на ночевку шедшие из Бинкета караваны.

Вообще городок был небольшой, он отличался от окрестных селений лишь крупными размерами да укрепленными стенами. После монгольского завоевания крепость была разрушена, но зато рядом осталось обширное неукрепленное поселение, донесшее до нас название древнего города.

В четырех фарсах от Паргуша стоял еще один городок — Харджанкет или Харганкет. Невольно бросается в глаза сходство его с современным селением Ходжикентом, близким и по расстоянию. Действительно, Ходжикент — один из самых древних. Здесь открыты пещерные гроты — навесы, в которых десятки тысяч лет тому назад жил первобытный человек. Вертикальные стены скал украшены высеченными каменными и металлическими орудиями, рисунками-петроглифами с изображением охотников, козлов и лошадей. На берегу реки — холм укрепленного феодального замка Актепа.

Но города в Ходжикенте нет. Что же, ошиблись древние географы? Нет. Руины небольшого средневекового городка действительно сохранились, но на другом, правом берегу Чирчика. В древности путь от Паргуша шел вверх по правому берегу мимо селений Чимбайлык и Сайлык. От Сайлыка начиналась стена оазиса, доходившая до р. Сырдарьи. В селениях этих сохранились древние крепости, а вдоль пути мы нашли интересные наскальные рисунки, среди которых вместе с традиционными изображениями козлов встретила необычная картина: всадник на верблюде, а перед ним пеший проводник, который тянет верблюда на веревке. Конечно,

это укороченное изображение каравана. И везде надписи благопожеланий. Вероятно, не без страха ехали купцы в горные районы и рассыпали благопожелания, чтобы благополучно вернуться обратно.

Вот этот путь и подводил к древнему городку Харджанкету. Правда, руины его, названные Ходжикентбазарбоши, сейчас целиком освоены новым поселком совхоза, но нам удалось установить его границы и собрать материалы, показавшие, что он зародился в VI—VII вв. Период его расцвета пришелся на IX—X вв., а упадка — на XIII в. После этого жизнь перешла на левый берег, где и поныне существует селение с названием, близким языку осевшего здесь тюркского населения.

Ходжикент — ворота в Чарвакскую долину, история которой — особая интересная страница работы археологов. Особая, но не единственная. Увлекателен путь в горное «семиградье» оазиса — «Джеттикент», как его называли историки XV—XVI столетий, — к Паркенту и Заркенту, Намданаку и Хисараку, Янгибазару и Кавардану.

Крупный путь соединял столицу Чача со столицей Илака, стоявшей на берегу Ахангарана. И совершенно удивительны археологические маршруты по следам древних рудознатцев в поисках загадочных «серебряных и бирюзовых» гор.

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ НА ДНЕ ГОРНОГО МОРЯ

В 1970 юбилейном ленинском году в нашей республике вступила в строй одна из крупнейших новостроек — Чарвакская гидроэлектростанция. Она была построена в верховьях Чирчика и его слагающих — Пскема и Чаткала. Но это была не просто ГЭС. При ней выросло большое рукотворное море площадью около 40 км² и объемом воды в 1,5 млрд. м³. Оно позволило оросить до четверти миллионов гектаров новых земель. И не только в этом значение Чарвакского моря. На его базе вырастает серия электростанций — Чирчикский каскад.

...Взорвана перемычка, и вода с шумом устремилась в пробитый в горе тоннель. Завершена отсыпка плотины, заплескалось рукотворное море — Чарвакское водохранилище. Несколько лет здесь кипели строительные работы. И вместе со строителями на дне будущего моря пле-

чом к плечу трудились ученые археологической экспедиции.

Ведь на дне будущего моря с древних времен кипела жизнь, сменялись цивилизации, росли и гибли города. Отсюда на рынки Ташкента и Ферганы кочевники пригоняли стада овец и лошадей для обмена на продукты ремесла, здесь добывались рудные ископаемые: железо и медь, золото и серебро.

Три года трудились на Чарваке археологи. Они прошли по охотничьим тропам и следам горных рудокопов, поселений и городищ. Составили карты древних путей. Провели раскопки городищ и курганов, исследовали выгоревшие на солнце сложные знаки древних петроглифов. И история Чарвакской долины постепенно стала раскрываться как страницы увлекательного романа. Вот несколько страничек из жизни древнего горного района.

Кадовадтепа в Богустане

Селение Богустан поражает суровой красотой. Это сплошной сад на фоне отвесных вершин и голубой воды Пскема. И название его неслучайно. Считается, что правильно оно звучит «Бог бустан» — цветущий сад.

Богустан известен в средневековых источниках. Здесь прошло детство главы одного из мусульманских дервишских орденов Накшбандия — Ходжи Ахрара. Легенда рассказывает, что в Богустане зародилась мысль о постройке ташкентских архитектурных комплексов у могилы шейха Хавенди Тахура. Но если эти сведения относятся к XIV—XV вв., то действительная оседлая жизнь, как показывают раскопки, зародилась здесь по крайней мере на тысячелетие раньше.

У слияния Богустанская с Пскемом поднимается высокий холм Кадовадтепа. И сейчас его оплывшие руины, вздымающиеся на высоту более 30 м над руслом, производят впечатление небольшой, но мощной крепости. Три года проводились раскопки этой крепости.

...Раскоп на глубине 10 м. Первые следы оседлой жизни. Остатки небольших глинобитных домишек, интенсивно обожженная, даже прокаленная, земля и много галек, удивительно тяжелых. Здесь же металлический шлак. Анализ показал, что гальки содержат магнетит — железную руду. В примитивных ямах-печах первые поселен-

цы Кадовадтепа выплавляли железо. А вот и его продукты — трехгранные наконечники стрел, железный нож. Здесь же выплавленные слитки-крицы необработанного металла.

Сверх них вырастает мощная крепость — замок тюркского феодала. Раскрыт дворик с айванами. Следы большого костра, площадки-айваны... Можно представить себе такую картину: погасли последние лучи солнца. В теснине плескались, неся прохладу, волны Пскема. У стен замка на площадке, обнесенной крепостной стеной, освещенные пламенем ярко горевшего костра сидели вожди племен. Какова была цель совета — очередной рядовой набег на долину или большой поход в соседние страны, осталось неизвестным. Но остались на площадке у костра священные амулеты: медвежий зуб, вырезанный в форме рыбы, козлиные рога, выточенная из темного камня мягкой породы фигурка лошади, следы пиршества.

Несколько веков стояла крепость. Немало пришлось ей выдержать вражеских осад. Об этом говорят неоднократные ремонты крепостных стен. И все же она была разрушена. В VIII—IX вв. на ней вырастает поселение ремесленников-керамистов, построивших громадные гончарные печи. Но лишнее крепости оно просуществовало недолго. И лишь в XIV—XV вв. во времена Тимура вновь возникает жизнь на руинах Кадовадтепа, чтобы уступить вскоре место цветущему открытому селению Богбустану (современный Богустан).

Изучение таких памятников, как Кадовадтепа, позволяет нам выяснить время заселения горных районов Ташкентской области земледельцами, их связи со скотоводами-кочевниками, некогда населявшими горные плато и долины Чаткальского хребта, зарождение и развитие таких ремесел, как плавка и обработка металлов, гончарство.

Караван-сарай на переправе

Там, где при слиянии Пскема и Чаткала рождается новая река Чирчик, стоят руины большого квадратного сооружения с каменными стенами. Местами над стеной поднимаются холмы оборонительных башен. Специальная башня с ловушкой прикрывает вход в постройку. Во время раскопок внутри нее по всему периметру обнаружена вторая каменная стена потоньше.

Сооружение состояло из внутреннего дворика и большого количества комнат, окружавших его со всех сторон. Вдоль стен в комнатах сделаны суфы-сиденья и печи либо жаровни для обогрева. В некоторых комнатах найдены железные наконечники стрел, нож, глиняные горшочки, набор мисок и т. д., относившиеся к середине I тыс. н. э.

Назначение здания удалось установить после изучения всего района. Древний караванный путь из Ташкента в горы проходил сначала по правому берегу Чирчика, затем в районе Ходжикента среди гор и р. Угам он переходил на левый берег. Отсюда в горы вдоль Пскема к Богустану и дальше можно было попасть, лишь переправившись через Чаткал. А это удобнее всего сделать около слияния его с Пскемом. Переправа была нелегкой, особенно во время разлива. Поэтому на месте ее соорудили караван-сарай для пережидания разлива реки. Но он охранял не только от капризов природы, но и от не менее опасных налетов кочевников. И тогда гостеприимный караван-сарай превращался в грозную и надежную крепость, осыпавшую осаждавших струями стрел. Судя по находкам, караван-сарай использовался даже в XVIII в. и пришел в запустение лишь в самые последние столетия.

Город из легенды

Но путь в горы вел не только к крепостям — «орлиным гнездам» феодалов. Высоко в горах открыты остатки целого древнего города. Недалеко от с. Бурчмула протекают реки Чаткал и Коксу, пробившие глубокие каньоны с высокими обрывистыми отвесными берегами. Сливаясь, они образуют надежно защищаемую территорию треугольной формы. Единственно уязвимой оставалась восточная сторона, но с этой стороны площадь была окружена валами оборонительных сооружений. Шестнадцать гектаров — это территория целого средневекового города.

Старожилы Бурчмулы рассказывали, что некогда здесь на углу слияния рек располагалось их селение, которое получило название из двух слов: «бурч» (угол) и «мола» (возвышение). Это был цветущий город. Из Ташкента сюда подходили торговые караваны, воинственные кочевники пригоняли большие стада скота. Но расцвет продолжался недолго. Неожиданно на город

налетели ураганы с гор, спустились хищники и дикие кабаны. И человек вынужденно отступил. Город был заброшен. Лишь недавно с Бурчмула возродилось вновь.

Долгое время считалось, что это только легенда. Но когда началось изучение района, у слияния Чаткала и Коксу были обнаружены руины города, расцвет жизни которого относился к IX—XII вв. Выяснилось, что вся

Река — естественная граница города

площадь его была застроена одинаково. Наиболее густо обжита северо-западная часть, где у слияния рек поднималась четырехугольная крепость, отделенная от остальной городской территории стеной с башнями. Вокруг крепости тянулись узенькие тесные улочки городских ремесленных кварталов, дымили печи гончаров, кузнецов и металлургов, плавивших железо, серебро, медь из руды, добывавшейся поблизости в отрогах Чаткальского хребта. Глинобитные стены домов и мастерских, скромный набор посуды, примитивные орудия труда — все говорит о тяжелой жизни трудового люда. А к югу тянулись малозастроенные площади, перемежаемые громадными базарами. Здесь, вероятно, проводился торг скотом, пригонявшемся кочевниками с горных пастбищ.

К городской стене примыкали изрезанные каналами поля, для полива которых использовалась вода горных саев. Около города была сооружена переправа.

Картинная галерея охотников

...Едва заметная тропка вьется вдоль р. Чаткал в горы. Как бы памятными вехами тянутся вдоль нее скопления валунов. Но взгляните внимательно в эти вехи! Вот на одном камне мелькнуло изображение животного, на другом мы видим схематическую линию тела, две или четыре ножки. Громадные, закинутаые назад рога сразу выдают сибирского горного козла, изображенного в спокойной позе и в прыжке.

А вот странная сцена: два козла стоят перед точечной спиралью — лабиринтом, не имеющим выхода. Несомненно, перед нами ловушка-западня для отлова козлов. Мы насчитали 26 валунов вдоль тропинки. Настоящая картинная галерея первобытного искусства. Только ли искусства? На некоторых из них изображены одиночные козлы или пара вожakov рогами друг к другу, на других — целые стада. Есть валуны с изображением охотников. Мы заметили валуны с воронкообразными углублениями, возможно, здесь перед охотой совершали ритуальные танцы. Жители района очень почитали козла и барана, что подтверждается нашими находками: на поселениях и в погребениях мы встречали сосуды с ручками, на которых изображены бараны, как бы заглядывающие внутрь сосуда, т. е. защищавшие содержимое сосуда от злых сил.

Гораздо реже встречались валуны, на которых были изображения винторогого козла, быка (а возможно и собаки), обычно относимые к далекой поре каменного и бронзового века. Есть такие и в нашей галерее. Но, кроме них, обнаружены валуны с изображением козлов, высеченных сравнительно недавно — полторы-две тысячи лет тому назад. На некоторых из них традиционные мусульманские надписи, в которых два слова: «Алла» и «Мухаммад». Это не случайно. После арабского завоевания здесь еще долгое время шла борьба религий. И чтобы уничтожить старые культы, сторонники мусульманской религии решили «отменить» их, перечеркнув своими священными изречениями. Подобные случаи известны ученым многих стран мира.

«Картильная галерея» на валунах

Следы первобытной жизни

С древнейших времен оставлены следы жизни охотников в Акташе, пещере Пальтаусай близ Аурахмата, где в высоком гроте открыта стоянка человека поры верхнего палеолита. Человек здесь жил не одно тысячелетие и оставил почти 10 м культурных слоев с кремнёвыми орудиями. Но единственные ли это следы жизни?

Разведочный отряд археологов прошел по Бельдерсаю. Пересекаем небольшой правый приток, изгиб которого образовал широкую седловину с площадкой. На ней под покровом травы — следы развешенного костра и тоже несколько отщепов кремнёвых орудий. Несколько десятков тысяч лет тому назад здесь останавливались на ночевку палеолитические охотники. Такие временные стоянки открыты на месте селений Нанай и Богуста, в районе Аксагаты и Юсупханы, на террасах Чаткала близ Бурчмулы.

А вот памятники другого рода. От Аурахмата по правому берегу р. Чаткал тянутся цепочкой скопления валунов, затем появляются на левом берегу, и, то пропадая, то появляясь вновь, идут вдоль Юсупханы вплоть до с. Чарвак. Случайные завалы камня? Но если посмотреть внимательно, можно заметить, что они сложены. Можно даже выделить несколько групп каменных выкладок — широкие каменные насыпи диаметром до 30 м, полуразбросанные выкладки и небольшие, но высокие холмы диаметром всего 5—10 м. Несомненно, это погребальные курганы. Но кто их оставил, когда? Уже по внешнему виду рассыпавшиеся и сильно вросшие в землю курганы первого типа производили впечатление наиболее древних. С них и были начаты раскопки.

...Тщательно расчищается насыпь. Среди камней — обломки разбитого лепного сосуда, астрагал барана. Да, здесь проходила погребальная тризна по умершему. В центре — вытянутое с востока на запад сооружение из круглых камней, положенных плашмя. Под ними на спине лежит погребенный: руки вытянуты вдоль тела, одна нога слегка согнута. Рядом с ним средневековая керамика. Археологов охватывает разочарование — погребение позднее. Почти механически проводятся дальнейшие работы. Но что это? Внизу вырисовывается новая яма овальной формы, а в ней множество поломанных,

беспорядочно брошенных в кучу костей. Следы явного ограбления. В дело вновь идут кисточки и скальпели, начинается тщательная расчистка. Среди костей выявлены две челюсти и обе нижние. Значит погребенных было не меньше двух. И около них находки — бусы серебряные, бронзовые, пастовые, 5 бронзовых перстней, бронзовые нашивки одежды, серебряный браслет. Но самыми интересными оказались 5 серебряных пряжек. Их орнамент из точечных треугольников немного похож на украшения сосудов, найденных в погребениях пастушеско-скотоводческих племен в Бухарской области, но еще больше — на скифские сосуды середины I тыс. до н. э. Некоторые косточки окрашены в красный цвет. В бронзовую эпоху умерших иногда специально покрывали охрой, цвет которой символизировал цвет крови, жизнь. Эта же традиция сохранялась местами и в эпоху раннего железа. Теперь все стало на свои места. Перед нами коллективное захоронение. В древности оно было ограблено, но даже разрозненные остатки сохранившихся украшений позволили нам говорить, что здесь похоронены знатные женщины. Не случайно был воздвигнут такой курган и на нем совершена тризна. А через тысячу с лишним лет в феодальную пору под древним курганом был похоронен житель Ардланкета, в окрестностях которого помещался могильник.

Интересным оказался и один из малых курганов, относившийся к сакскому времени. В нем вместе с бронзовым наконечником стрелы обнаружен скотоводческий горшок VI—V вв. до н. э.

Изучение погребений помогает не только узнать уровень культуры, но и восстановить антропологический облик наших далеких предков. Мы раскрыли здесь лишь несколько моментов из интересной истории района. Сейчас на этом месте уже плещутся волны нового моря, а археологи ушли в новый поиск, в горы по следам рудокопов, в пустыни по путям древней ирригационной системы.

«Семиградье» на адырах

К востоку от Ташкента между бассейнами Чирчика и Ахангарана лежит обширная площадь адыров — невысоких маловодных предгорий Чаткальского хребта с бес-

порядочным причудливым холмистым рельефом. Перерезанная серией небольших саев юго-западного простирания она занята перемежающимися зонами степи и редколесья, освоенными населением под прекрасные сады.

Еще недавно вся местность называлась Джеттыкентом — «Семь городов или семь селений». Действительно, селений здесь много. Наиболее крупные из них — Паркент и Заркент, Сукок и Намданак, Янгибазар и Хисарак. Летом 1974 г. во время строительно-планировочных работ в окрестностях Заркента обнаружено скопление позеленевших от времени медных кружочков. Клад поступил в Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека, но сохранность монет была настолько плоха, что затрудняла определение чеканки. И лишь недавно удалось прочесть, что монеты относятся к началу XVI столетия — почти пять столетий пролежали они в земле! Еще раньше в Паркенте обнаружен клад монет XV столетия и тоже медный.

Но как очутились здесь клады медных монет, ареал распространения которых обычно ограничен небольшой территорией? Что представляли собой Заркент, Паркент и другие цветущие ныне селения в далекие времена? Сами названия их могут унести нас в мир древней истории. Действительно, старинные свитки восточных рукописей IX—X столетий при описании караванных путей, связывавших древний Ташкент со столицей рудной области оазиса Тункетом, упоминают расположенные к востоку от пути такие городки, как Фарнкет («обладавший счастьем», «славный»), Зеранкет, Намадванак, названия которых удивительно близки современным селениям. Хисарак означает в переводе просто «городок». Янгибазар — название новое, но близ него лежит Кавардан, близкое которому название Кабарна также было в древнем списке городов.

Все это заставляло предположить большую древность селений и естественно заинтересовало археологов.

Изучение показало, что бассейн междуречья действительно сохранил нам интересные памятники минувших эпох.

Древнейшая основа Паркента — городище Ишкурган, расположенное на слиянии саев, которые образовали естественные обрывы высотой до 30 м. Оно как бы самой природой поставлено господствовать над местностью в

оборонительном отношении, не требуя особых фортификационных устройств. Тем не менее в обрезах видны остатки довольно мощных стен каких-то монументальных, быть может, крепостных строений.

Самые древние находки — сосуды, изделия из металла — относятся к периоду от VI—VII в. н. э. вплоть до XVI в. Такие же предметы найдены и вокруг городища на территории современного селения. Значит, Ишкурган служил центральным укреплением, ядром Фарнкета, а сам город располагался вокруг на живописных склонах. И лишь в период опасности население собиралось под защиту крепостных стен.

Более мощно выглядит древний Зеранкет. Руины его вдоль берега Заркентская поднимаются высокими холмами, известными у местных жителей под названием Калаиболо — «верхняя (высокая) крепость».

В центре ее — крупный замок со следами округлых башен. Вход в него осуществлялся по спиральному подъему, так что каждый входящий постепенно обращался к крепости то левым, то правым боком. Это был основной закон оборонительных сооружений. У подножья крепости располагался городок, также обнесенный стеной. Находки на территории города датируются VI—VII вв. н. э., в начале XIII в. жизнь здесь замирает.

Более древним оказалось городище в Намданаке, известное под названием Искитепа. Это поистине могучие крепостные руины высотой более 15 м, окруженные дополнительными рвами. И построен город раньше, чем остальные. Здесь обнаружены следы жизни почти двадцативековой давности с первых веков нашей эры до конца XII столетия.

Но самым интересным оказался древний город в с. Кавардан. Расположенный на границе с адырами, он с двух сторон прикрыт древним руслом Чирчика, круто изогнутым к югу, а с третьей — его притоком Околкаем; с северо-востока его защищала естественная горная гряда.

Хорошо защищенная водой и горами, крепость была с трех сторон усилена валами, окружавшими площадь примерно 75 га. Этот город по размерам превышал крупный торговый пункт Чинаккет, стоявший на международном караванном пути. Дополнительная стена делила город на две части, усиливая способность к обороне. В цент-

ре западного фаса поднимался холм цитадели — оборонительного ядра и административного сердца города.

Возводилась крепость с учетом всех правил военного искусства. Единственный вход в цитадель оформлен в виде пологого пандуса, проходившего вдоль бойниц северного фаса стены.

Обширная площадь внутри укреплений заполнена всхолмлениями кварталов жилых построек, мастерских

Могучие руины Искитепа

и караван-сараяв, вытянувшихся вдоль уличных магистралей, пересекавших город от ворот до ворот.

Много столетий стояли эти безлюдные холмы, ничем не отличаясь от прилегающих адыров, и вряд ли кто подозревал, что они скрывают руины города. И только при реконструкции древнего канала Хамдам вдруг были разрезаны печи гончаров и дома металлургов. Археологические раскопки показали, что жизнь здесь в древности была интенсивной. Мощность культурного слоя достигала 8 м, скрывая дома от III—IV до начала XIII столетия.

Оборонительные валы крепости резко контрастировали с легкими городскими постройками. Определены кварталы древних ювелиров и гончаров, мельницы мукомо-

лов, диаметр каменных дисков которых превышал 1 м. Есть все основания считать, что ныне действующий канал Хамдам проложен по руслу древнего канала, от которого на большой глубине отходили средневековые водопроводы из плотно пригнанных керамических труб, система которых открыта при расширении русла.

Найдено немало интересных орудий труда и бытовых предметов. Железная соха и крупные ножницы для

Археологи на городище Кавардан

стрижки овец сочетались с зерном пшеницы и косточками фруктов, свидетельствуя о развитии земледелия, скотоводства и садоводства. Интересная находка ждала археологов при расчистке мусорной ямы. Среди обломков разбитой посуды здесь найден горшок X в., заполненный нарезанными яблоками. Попав в лишенную воздуха среду, яблоки обуглились, но форму сохранили.

В домах найдены прекрасная лощеная парадная посуда красного и черного цвета, расписная и глазурованная, гигантские хумы для хранения зерна и муки, бронзовые подставки под светильники, нашивки и амулеты, украшения — бусы, подвески.

Все предметы домашнего обихода — причудливая смесь городской культуры оазиса и кочевников степи. Парадная посуда соседствует с грубой кочевнической, тонкие растительные мотивы на крышках перемежаются стилизованными скульптурами животных, сохранивши-

мися как пережиток украшения сосудов в горной местности вплоть до X—XII столетий. И это не случайно — ведь город стоял на самой границе с кочевыми племенами адыров и гор, поэтому вокруг него открыты скопления сотен погребальных курганов кочевников, носящих название «мингтепа» — «тысячи курганов».

Каждая могила представляла собой глубокую купольную камеру — катакомбу, к которой от основания

Горшок с яблоками X в. и кувшинчик

холма вел ход — дромос. Обычно внутри камеры осуществляли коллективные захоронения. Значит могилы — семейные и постепенно в них были захоронены взрослые и дети. Рядом с ними помещали оружие, украшения, бытовые предметы, в частности сосуды. Особой популярностью пользовались сосуды с изображениями на ручках фарна — охранителя и носителя божественной благодати.

Интересно, что головы погребенных искусственно деформированы, в форме округлой башни, как это было принято у скотоводов Ташкентского оазиса.

Мы говорили, что жизнь в Кавардане появилась с первых веков нашей эры. А когда была обнесена стеной вся обширная территория?

Ответ на этот вопрос дали раскопки башен: они овальные, сложены из крупного кирпича и пахсовых блоков, внутри них — глиняная посуда, которой пользовались воины. Посуда, найденная на самых древних полах башни, также относится к первым векам нашей эры. Значит

Сосуд с изображением фигурки животного

город по всей площади был обнесен валами с башнями с первых столетий своего существования. Таких крупных городов для Чача этой поры буквально единицы. Кавардан — древний город Кабарна — самый крупный в «семиградье». Но древние крепости открыты и в других его пунктах. Высший расцвет городской жизни «семиградья» относится к X—XII вв. Здесь осуществлялся торговый обмен с кочевниками горных районов; мимо серебряного рудника Кайнар проходил древний путь в горнопромышленные районы Южного Чаткала и Карамазара.

Монгольское нашествие нанесло удар городской культуре предгорий, но полностью жизнь в богатых цветущих районах не прекратилась. Лишившись крепостных стен, жители передвинулись на открытые участки прилегающей территории, сохранив название своих пунктов.

В официальных юридических и торговых документах-бакуфах XV—XVI столетий неоднократно упоминаются Сухак, Заркант, Фаркат и Намданак в связи с куплей и продажей участков и садов. Вот к этому времени и относятся клады монет, найденные при экскаваторных работах под Заркентом и в Паркенте. Они вновь подтверждают, как много интересного еще таит земля, сколько сведений она может дать по истории наших городов и сел, как тщательно следует сохранять богатство культурного наследия, оставленного нам далекими предками.

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ РУДОКОПОВ

За дымкой легенд

На юго-восточной окраине Ташкентского оазиса поднимаются хребты Чаткальских и Кураминских гор. Зажатая в верховьях скалами, бьется в теснине р. Ахангаран, а вырываясь из предгорьев на равнину, образует обширную удобную для земледелия богато орошаемую долину.

В средневековую пору эта территория составляла феодальное владение Илак, часто входившее особой областью в состав Чача. Сама река носила название «река Илака». Однако пришедшие сюда в XIII в. монголы, пораженные множеством следов ремесленно-металлургического производства, назвали ее «Дарье-и-ахангеран» — «река кузнецов» или «рудных дел мастеров».

Названа она так не случайно. В сообщениях древних историков Востока об Илаке говорится как о крупнейшем горнорудном районе Мавераннахра. Горы окутаны дымкой легенд, в которых фантазия переплетается с действительностью. А если пройти по этим горам, то народные названия их дополняют описание богатств. Много печальных сказаний сложено об этом районе, рудниках, рудокопах, изнурительный труд которых обрекал их на медленную, но верную смерть.

Изучение древних рудников не только позволит раскрыть неизвестные страницы истории, но и поможет геологам определить форму рудных тел и как богаты были руды тем или иным металлом.

Скопления металлургических шлаков расскажут геологу, какие руды подвергались плавке. А это важный

признак, особенно на первых этапах поиска. И, затем, в каждом древнем горне бушевал своего рода крошечный вулкан, изучение которого поможет узнать пути образования руд и металлоносности магм. Поэтому древние рудники и шлаки изучали не только археологи, но и геологи.

Целой сетью исследований покрыли район многочисленных геологических экспедиции в наше время. Вместе с их отрядами по следам рудокопов двинулись и археологи. Еще в конце 20-х годов в состав Таджикско-Памирской геологической экспедиции был включен археологический отряд М. Е. Массона. В середине 50-х годов некоторые рудники Кураминского хребта изучал археолог Б. А. Литвинский, а с конца 50-х годов в состав Узбекстанской археологической экспедиции АН УзССР был включен археологический отряд по изучению горного дела и металлургии средневекового Чача и Илака. Вместе с геологами мы осмотрели огромное количество крошечных закопушек и гигантских рудников, опускались на сотни метров в недра земли по сложному лабиринту древних выработок, раскапывали остатки колоний рудокопов и металлургов, расчищали плавильные горны и печи углежогов. В древности по самым скромным подсчетам в рудниках Илака было переработано около 3 млн. м³ рудных пород, функционировали тысячи мелких и крупных рудников, множество мастерских металлургов. Рассказать обо всех них в короткой книжечке очень трудно. Но о некоторых не рассказать невозможно.

Сим-сим, откройся!

Кто не помнит эти слова из популярной восточной сказки, открывавшие путь в недра гор к их богатствам? А ведь искоркой сказки явилась действительность! Правда «сим» — совсем не кунжутное зернышко, как говорится в сказке. Слово это по-арабски в древнюю пору обозначало серебро, а во времена вошедшего в эту сказку халифа Гарун-ар-Рашида серебро было денежной основой всей торговли. На древнем Востоке известно несколько рудников, носивших название «Кухи-сим» — «гора серебра». И одна из «серебряных гор» находилась в Ангренском районе. О богатстве серебром «Гор Илака» мы можем прочесть у всех крупнейших географов средне-

векового Востока. По имени «серебряной горы» получил свое название даже один из городов владения—Кухисим.

В IX в. на «серебряном руднике Чача» работал специальный выпускавший полновесные серебряные дирхемы государственный монетный двор, название которого вычеканено на древних монетах. Больше всего монет чеканилось на нем как раз при халифе Гарун-ар-Рашиде. Время работы монетного двора было коротким — чуть более 30 лет, но благодаря высокой пробе серебра он получил большое признание.

В X в. историки сообщали о двух крупных монетных дворах Мавераннахра — в Самарканде и Тункете. На монетном дворе Илака чеканилась и мелкая разменная, и банковая монета общегосударственного образца. Можно представить себе, сколько металла должны давать рудники, если учесть, что вся торговля Востока держалась в основном на серебряной монете.

Действительность подтверждает сообщения древних авторов. Полтора миллиона кубометров — больше половины всех рудоносных пород — было переработано только для добычи серебра. Здесь открыты крупные древние рудники.

Вот некоторые из них: в верховьях р. Ахангарана, в бассейне небольших саев Кураминского хребта — Лашкереке и Лояке—расположился один из гигантских древних рудников. С начала выработки они казались такими незначительными, что на них не обращали внимания. Геологов поразили лишь громадные скопления металлических шлаков около селения Лашкерек. А когда сделали анализы, оказалось, что 20% шлаков составляет свинец.

Где же добывалось сырье и какое? Многие геологи ломали копья по этому вопросу, пока в 1933 г. Ф. И. Вольфсон не обнаружил вдоль рек Лашкерек и Лояк выработки, руды которых близки по составу к описанным шлакам. Была лишь одна существенная разница — эти руды содержали серебро, а в шлаках его не было. А серебро в руде было богатое — в среднем 400—500 г на 1 т породы, но были жилы, содержавшие 10—15 и даже 40 кг. Его-то и выплавляли древние металлурги.

Когда началось интенсивное обследование, то выяснилось, что малозаметные с поверхности выработки просто специально закрыты, спрятаны. На самом деле они уходят на глубину до 300 м, не имея себе равных в Сред-

ней Азии. Штольни и штреки внизу переходят в обширные камеры, делятся на ряд извилистых рукавов, сужаются в ходки шириной до 45—50 см в зависимости от рудоносной жилы. Это целый многоэтажный лабиринт. Особенно интересной оказалась одна из выработок пятого Лашкерека.

...По наклонной разведочной штольне мы вслед за геологами проникаем более чем на 100 м в недра гор. При свете «карбидки» под ногами зеленым изумрудом вспыхивают в потоках воды кусочки малахита, тусклым свинцом отсвечивает галенит. Неожиданно штольню пересекает какая-то расщелина, из которой во время проходки хлынули потоки рыхлой породы с кусками дерева. На стенах расщелины — следы работы каким-то орудием.

...Древняя выработка! Постепенно расщелина вырастает в высоту до 20 м и переходит в громадную камеру. Ее обрушившийся свод открыл нам как бы в разрезе картину древней разработки рудных пород. Сверху в камеру спускается вертикальный колодец-гезенк, стены которого полностью обшиты деревянным срубом из вертикальных и горизонтальных рядов арчовых балок, связанных так, что заостренные концы одних вставлялись в специальные гнезда, выдолбленные в других.

Этот способ крепления называется венцом полного оклада. На высоте нескольких метров сруб пересекает дополнительная горизонтально положенная балка, на уровне которой отходила в сторону наклонная выработка. Такая картина встречена на разных уровнях, и всюду от ствола отходят наклонные или горизонтальные ходки и щели.

Нам встречались разные виды крепления свода этих рудников. Иногда, чтобы укрепить свод штольни, оставались столбики — «целики» — тоже рудной, но более бедной породы. Там, где руда была богата, выкладывались столбики из обломков нерудных пород, иногда в опасных местах ставились деревянные подпорки или вертикальные стойки с плашкой сверху.

Вместе с ними встречен еще один оригинальный и экономный способ крепления деревом. В одной стене ходка выдалбливалось углубление, в которое вставлялся заостренный конец балки. Второй, немножко приподнятый вверх, упирался в деревянную плашку-подпятник в противоположной стороне ходка. Такое крепление сдер-

живало натиск отдельных угрожающих глыб свода или могло поддерживать сплошной настил тонких балочек, если сверху залежали рыхлые породы.

Несомненно, нам встретился один из главных рудных стволов древнего рудника, связывавший на разных уровнях массу отдельных выработок. Использовался он долго и был укреплен тщательно.

Остальные выработки закреплялись в случае самой большой опасности.

Попробуем проследить весь путь движения руды от рудника до того момента, когда она превратилась в драгоценный металл. При свете тусклого светильника — чирага рудокоп каменным молотом отбивал руду. Подручный, часто подросток, по узкому темному ходку на саях выволакивал тяжелую ношу к рудоподъемному стволу. Отсюда с помощью деревянного ворота руда поднималась наверх, где на специальных площадках проходило ее обогащение: разработка и сортировка.

С помощью молотов крупные куски раскалывались, пустая порода отбрасывалась, а богатая рудой складывалась в кучи. Потом руда дробилась окончательно. Жернова приводились в движение силой проточной воды. Серебро-свинцовая руда дробилась до размера зерна или изюмины, из которых руду выплавить легче, чем из пыли, поэтому в жерновах для руды прорезано много крупных желобков.

Молот древнего рудокопа

Пустая порода смывалась водой и оседала в руслах сая. Это подтверждается геологическими шурфами в саях вблизи Лашкерека. Окончательное извлечение серебра проводилось в металлургических печах. Для этого руду приходилось обжигать несколько раз. Вот как выглядит этот процесс по описанию восточного ученого X в. ал-Хамдани: «Горн для плавки руды сооружается в любом удобном месте, лучше всего на склоне, часто на берегу сая или канала. Печи цилиндрической формы наполовину вкапывались в землю, и подземная и наземная части выкладывались из обожженного кирпича с оставлением отверстий для мехов.

Горн заполнялся переслаивающимися слоями древесного угля и руды. Потом уголь поджигали и с помощью мехов нагнетали воздух. Плавка длилась несколько дней, и все время у мехов стояли два сильных человека, непрерывно сменяя друг друга. Для защиты рабочих от вредных свинцовых испарений между горном и мехами возводилась стена. Когда расплавленная руда стекала вниз, ее слегка остужали, открывали отверстие и свинцово-серебряный сплав — глет вытекал наружу и застывал в форме слитка. Оставшийся шлак разбирали, присоединяя богатые серебром крошки к глету. Потом этот сплав снова обжигали в специальных печах, отделяя серебро от свинца»¹³. Серебро Карамазара относилось к числу высокопробных и ценилось высоко.

Для того, чтобы представить себе целиком труд рудокопов, необходимо ознакомиться с их бытом. Одна из колоний рудокопов Лашкерека обнаружена нами недалеко от группы рудников. В северном склоне небольшой вершинки сделан врез, образовавший узенькую площадку длиной 12 и шириной 5—7 м, занятую громадным мрачным сооружением. Его мощные стены выложены крупными каменными плитами и булыжниками. Комплекс состоял из семи комнат и длинного узенького коридорчика шириной в полметра. С одной стороны он заканчивался крошечной кухонькой, с другой — маленьким двориком, обнесенным каменной стеной. Поражает бедность комнат — лишь обломки простой глиняной посуды, да в кухоньке очаг, простой светильник и плоский камень,

¹³ D. M. Dunlop, Sources of Gold and Silver in Islam according to al-Hamdani, *Studia Islamica*, 1958, p. 46—48.

заменяющий стол. И лишь сработанный железный клин, забивавшийся для растрескивания в рудные породы, кувшин для воды да ручные светильники говорят о том, что здесь жили рудокопы. Несомненно, перед нами жилище для рудокопов-рабов, работавших на одном из рудников. Конструкция здания такова, что двери всех комнат в конечном счете обязательно выводили в коридор, в котором, вероятно, неусыпно дежурила стража.

Значит перед нами гигантский рудник с продуманной системой разработки руды, тщательным креплением рудоподъемных стволов, рассчитанных на длительный срок работы с определенными затратами на крепление штреков, последовательной отработкой рудных жил, проводившейся по определенному плану. Все работы осуществлялись рабами, находящимися под стражей.

Руда свозилась для разборки и обогащения в один пункт, а затем отправлялись вниз по саю, где проводилась централизованная плавка с добычей лишь одного металла — серебра. Все остальные металлы, даже богатый по содержанию свинец, оставлялись в шлаках. Несомненно, это специальный государственный рудник по добыче серебра. Интересно, что руды выбраны не везде полностью, но в какое-то время многие выработки были закрыты сверху бревнами, засыпаны камнем и даже замаскированы. Судя по найденным при руднике и на поселении рудокопов керамическим обломкам и монетам, рудник разрабатывался с некоторыми перерывами в период с VI по XII вв., но особенно интенсивно в IX—X вв.

В юго-западном конце Карамазарских гор в холмистой гряде Кальмакыр в 2 км юго-восточнее с. Карамазар расположен другой крупный серебряный рудник Канимансур — «Рудник Мансура».

Основная группа выработок его делится на три части, четко заметные с поверхности: Большой разрез, Главную камеру и цепь отдельных выработок. Большой разрез — это гигантский открытый сверху карьер. Он начинается узкой 5-метровой щелью и идет на 300 м, расширяясь до 40—50 м. Борта его обрушились, глубина в среднем около 20 м, хотя отдельные щели опускаются ниже 50 м. В древности он разрабатывался многоэтажной системой открытых работ с углублениями в форме щелей и штолен, но в результате завала получился один громадный карьер.

ер-котлован. На отдельных глыбах заметны следы работы каким-то четырехгранным орудием, напоминавшим железную кайлу.

На востоке карьер переходит в Главную камеру — систему вытянутых на восток многоэтажных камерных разработок длиной до 125 и глубиной более 50 м. Ее открывающийся на запад вход производит впечатление пасти гигантского хищника. Внутри камера делится на ряд мелких камер и штраков. Стены и свод буквально испещрены следами инструментов древних горняков.

Восточнее Главной камеры идет цепь менее крупных выработок — камер, ячеек, закопушек и даже разведочных шурфиков. Почему выработки так отличаются друг от друга? В западной части близко к поверхности залегала большая рудная жила в виде громадного кармана, которая к востоку переходила в серию более мелких прожилок и гнездового залегания руд, добывавшихся системой отдельных крошечных выработок.

Объем древних работ был гигантским. Здесь переброшена четверть миллиона кубометров, т. е. более 700 тысяч т породы, содержащей свинцово-серебряные руды. По мнению многих исследователей, выработки захватили всю зону окислительных руд, опускаясь ниже уровня грунтовых вод.

В западной части рудника древние рудокопы проводили разработку поднятой на поверхность руды, раскалывали ее молотами, пустую сбрасывали в сай, более богатую дробили, промывали и отправляли на переплавку. Не случайно, на площадках на берегу сая найдено несколько десятков целых и разбитых каменных молотов, имевших форму прямоугольника или шара. Посередине каждого был поясок углубления для укрепления рукоятки. Около них встречаются жернова и терки для растирания руды. В забоях, наверное, использовались и металлические кайла, и клинья, следы которых остались на стенах и сводах камер.

Недалеко от Главной камеры на склонах сохранились беспорядочно и тесно наклепленные каменные кладки нижних частей стен, кучи мелких строений с крошечными комнатками. Из бытового инвентаря здесь чаще всего встречаются обломки простой дешевой и грубой глиняной посуды IX—X вв. н. э. Ниже них на большом расстоянии у воды остатки стен помещений другого характера.

Они просторнее, комнаты больше. Здесь встречается прекрасная глазурованная посуда, стеклянные сосуды, кое-где и украшения. Если первое поселение можно считать колонией рудокопов, быть может, и рабов, то второе, несомненно, местопребыванием администрации рудника и отряда стражи. Перед нами, также как и в Лашкереке, рудник с централизованной добычей, обработкой и отправкой руды для выплавки в другое место, так как следов плавки на месте добычи не обнаружено. Несомненно, Канимансур принадлежал к разряду крупнейших государственных рудников поры расцвета феодального общества.

Кроме того, есть много крупных и мелких серебряных выработок. Один участок Кармазарских гор между притоками Утканся даже был назван Канджол — «тропа рудников», так как здесь вдоль вьючной тропы на протяжении 10 км непрерывно разрабатывалось более 1500 древних выработок.

Так какой же из этих рудников носил название «Серебряная гора»? Вернемся к сообщениям древних авторов, в которых упоминается этот рудник.

Географ IX в. Кудама подробно описывает торговый путь вдоль Сырдарьи от Ходженда (ныне Ленинабад) до Ферганы: «Расстояние от Ходженды до селения Самгар... по бесплодной пустыне 5 фарсахов. Из Самгара в Хаджистан 4 фарсаха. А это сторожевой пункт, в нем есть крепость, откуда добывается соль Чача, Ходженды и других городов. Сбоку от него (Хаджистана) — гора, соединяющаяся с горой серебра»¹⁴.

Если мы последуем по этому пути, то попадем на озеро Аксукан в южной части Кармазарских гор. На этом озере и добывалась когда-то соль и стояла крепость Хаджистан. Это первый участок пути. Известен второй, где упоминается серебряный рудник.

Описав путь в Фергану, тот же Кудама пишет о пути от Ходженда в Чач: «От разветвления дорог (на озере Аксукан) возьмем направление к руднику серебра в Чаче. От Хаджистана путь идет к развалинам, у которых есть источник, называемый «место выжидания»

¹⁴ С. Л. Волин, Переводы из Ибн Русте, Кудамы и других арабских географов, Архив Ленинградского отделения ИВ АН СССР, ф. 93, оп. 1, д. 21, стр. 12.

или «место наблюдения». От них до замка Мухинан у устья реки Рудника серебра два фарсаха»¹⁵. Из этого сообщения мы узнаем, что от озера надо повернуть на север к горам, пройти какой-то сторожевой пункт и выйти к замку в устье реки, на которой стоит рудник.

Теперь, оставив в стороне древние книги, мы ищем путь, пытаемся проследить его направление.

Нам пришлось пройти по горным путям через довольно обрывистые перевалы Алтын-Топкан, Табашар и Кендырдаван, через скальные выступы, которые выводят к рудникам, а не к торговому пути. В древности они были малообжиты и довольно опасны для торговых караванов. Наиболее известный вьючный путь проходит через Пангазский перевал. Нам также пришлось пройти по этому маршруту. Из долины р. Ахангаран мы идем в горы сначала по правому берегу Нишбашая, потом по левобережью и через водораздел в долину Гуштая к селению Андржан. Отсюда начинается самый трудный участок пути. На небольшом промежутке идет довольно крутой подъем. Тропа здесь сильно разбита, сохранила следы многих ремонтов. В древности была кое-где сделана специальная боковая ограда из дерева, а местами дорога выложена деревом, как шпалами, перемежающимися с заполнением ячеек камнем. Видно, что за сохранностью ее следили строго.

Перед основным подъемом на правом берегу Гуштая сохранились остатки какого-то сооружения. Каменные ступени подвели нас к двум открытым айванам, примыкающим к помещению с каменными стенами. Это мог быть караван-сарай, гостеприимно открытый перед путниками, собирающимися отдохнуть... И в то же время в нужный момент каменные стены превращали его в грозный форт перед лицом грабителей.

На перевале также каменное сооружение, возможно, сторожевой пункт. Дальше на юг начинается спуск в долину Пангаза и выводит прямо к озеру Аксукан. А ведь это озеро с крепостью Хаджистан упоминал Кудама, как начальный пункт торгового пути к «Руднику серебра»! Значит рудник должен находиться поблизости. Действительно, поблизости на р. Нишбашая располагается описанный нами рудник Лашкерек. Громад-

¹⁵ Там же, стр. 13.

ный объем работ, использование в больших масштабах труда рабов, продуманная добыча, определенные затраты на крепление, централизованная обработка и плавка с добычей лишь одного главного металла — серебра возводят его в ранг государственного рудника.

Востоковед В. Ф. Минорский считает, что слово «сим» по-персидски означает не чистое серебро, а самородную серебряную руду. А в Лашкереке как раз около половины серебра состоит из содержащегося в рудах самородного металла.

Вслед за находкой рудника «Гора серебра» удалось обнаружить и город Кухисим, и замок Мухинан, лежащий, как говорили древние авторы, в устье реки «серебряного рудника». Река, на которой стоит этот рудник, — Нишбашсай, а в ее устье сохранились руины древнего памятника Кургантепа. Археологи открыли здесь остатки раннефеодального замка VII—VIII вв.

А в более позднее время в X в. здесь вырос городок, который и назывался Кухисим, что не случайно: он был важным военносторожевым пунктом.

Так сомкнулись результаты археологических маршрутов с сообщениями летописей восточных географов далеких эпох.

Золото Илака

Древние географы Востока, сообщая об Илаке, обязательно отмечают также добычу в нем золота. В знаменитом труде «Собрание сведений для познания драгоценностей» хорезмский ученый XI в. Абу Райхан Беруни приводит много названий этого металла: «Харусун (хризос) — по-румийски, дохаба — по-сирийски, суварн — по-индийски, алтун — по-тюркски, зар — по-персидски, захаб и нудар — по-арабски»¹⁶. Все это названия золота.

По данным геолога Б. Н. Наследова, менее 3% выработанных в древности пород Чаткала и Кармазара относились к золоторудным. Конечно, такой объем не мог бы привлечь внимание древних ученых. Значит, рудники просто не были найдены. Специальные геоло-

¹⁶ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, Собрание сведений для познания драгоценностей (далее: Минералогия), М., 1963, стр. 218.

гические партии совместно с археологами двинулись на поиски древних рудников золота. И, действительно, обнаружили рудники, перевернувшие представление о золотых запасах Илака. Сейчас уже можно назвать несколько крупных районов древней добычи этого металла.

В первую очередь это были выработки бассейна Кызыл-алмы, одного из правых притоков р. Ахангарана. Вначале на поверхности обнаружены карьер больших размеров — 70×25 м и воронкообразные провалы, цепочкой переходящие с одного берега на другой. Нам не удалось установить в карьере глубину разработки, так как 10-метровый шурф застрял в отвалах породы. А провалы оказались глубокими штольнями. Форма выработок подсказала геологам структуру золоторудных тел. Золото концентрировалось в окварцованных породах разлома¹⁷ и опережающих его трещинах.

Среднее содержание металла в кварце небольшое, но встречаются заходящие друг за друга лункообразные рудные столбы, обогащенные золотом. Они-то и разрабатывались древними золотоискателями. Длина столбов 40—70, мощность 10—15 м. Характер золоторудных столбов позволил предположить большую глубину древних разработок. Это и подтвердили дальнейшие работы.

Старинные ходки встречены даже в геологических шурфах. При глубинных работах обнаружены штольни, уходящие в недра земли на глубину больше 100 м. Древние старатели работали в твердом кварце, поэтому стремились повторять форму золотоносной жилы, чтобы не долбить каменные породы впустую. Но из штолен нужно доставать руду, удалять воду, осуществлять поступление свежего воздуха! Что же, для этого долбить стволы по нерудным породам?

Древние рудокопы старались сделать так, чтобы каждая выработка потом была приспособлена как подсобная. Одни отсеки забивались пустой породой, другие служили вентиляционными колодцами или заполнялись водой, откачиваемой из рудоносной штольни.

Интересная система выработок была открыта в 1963 г. В рудоносной жиле найдены две параллельные

¹⁷ Разлом — крупное разрывное нарушение земной коры, обычно между разнородными тектоническими структурами.

штольни в 3 м друг от друга, уходившие на глубину более 80 м. Внизу они заканчивались площадкой, от которой шла еще одна выработка, уже наклонная. Сначала оба ствола были пробиты с целью добычи золота, но затем один стал колодцем для подъема руды, а другой — для вентиляции воздуха. У основания первого ствола выбита ниша для защиты работающего внизу рудокопа от случайно падающих обломков руды.

Среди завала штреков мы нашли детали деревянного крепления, глиняные трубы для отвода грунтовых вод, обломки светильников, а у выхода реки на равнину — поселение средневековых старателей. Во время его раскопок расчищены остатки жилого помещения и часть двора рудокопа. И как они не похожи на рабскую колонию Лашкерека! Комнатки скромные с глинобитными стенами, бытовая утварь простая, но не очень бедная, множество сосудов, даже красивых, глазурованных, есть чаши и графины из зеленовато-желтого стекла. В одном месте найдена часть серебряного сосуда, накладка — инкрустация перстня. Кроме того, много монет. Геологами и археологами встречено около 30 монетных кружков, в основном «черные дирхемы» — монеты, которыми жители уплачивали налог государству.

Нас очень заинтересовали найденные здесь глиняные кувшины с ажурным резным орнаментом. По своим размерам они оказались точной копией сосудов, обнаруженных при раскопках средневекового города Абрлыга, располагавшегося в 6—8 км от рудника. Конечно, жители рудника были очень тесно связаны с городом, покупали там бытовые предметы в обмен на добытое ими золото.

Часть золотой руды, вероятно, обрабатывалась окончательно в городе, так как мы попали в мастерскую ремесленника-металлурга и нашли его некоторые орудия труда.

На поселении в рудниках в большом количестве встречались светильники — чираги. Форма их очень простая — плоская с полуоткрытым верхом, чуть смятым носиком, округлым неровным дном и небольшой ручкой-петелькой. «Третий глаз шахтера», как называли светильник, помогал рудокопам работать на глубине нескольких сот метров. Светильник служил не толь-

ко для освещения выработки, он показывал шахтеру время, проведенное под землей, и служил указателем на скопление вредных газов. Как сообщает историк XII в. Якут, «рудокопы работают до тех пор, пока горят их светильники. Как только они гасли, работы прекращались, так как тот, кто был дольше, умирал в короткое время»¹⁸.

И еще, что обратило на себя внимание, — это обилие тазообразных сосудов из обожженной глины. Они найдены не только в домах, но и у входов в штольни, и, конечно, имели не только бытовое, но и производственное назначение — в них промывалась золотая руда. Легкая пустая порода уносилась водой, а тяжелая, обогащенная золотом, оседала на дне сосудов. Часть дворика устлана отшлифованными каменными плитами, которые, вероятно, также использовались для растирания и промывания золотой руды.

Когда работали древние золотоискатели в Кызылалме? Ответ на этот вопрос дают найденные здесь сосуды и монеты. Поселение при руднике выросло еще в VIII в. н. э. X—XI века были временем расцвета добычи здесь благородного металла, а последние шаги его разработки относятся ко времени правления Тимура и Тимуридов. Но, как удалось выяснить, золото здесь начали добывать задолго до появления поселения.

Около города Ангрена археолог Т. Агзамходжаев раскопал погребальные курганы IV—V вв. н. э. В захоронении одной богатой дамы обнаружены золотые украшения. Откуда это золото? Когда по нашей просьбе в одной из лабораторий сделали анализ, оказалось, что они изготовлены из кызылалминского золота. Значит эти рудники работали по меньшей мере с V в. н. э. Татаро-монгольское нашествие нанесло удар этому ремеслу. Предпринятые в XV в. робкие попытки восстановить его закончились неудачей.

Второй древний район добычи золота лежит поблизости от описанного, но уже в Кураминском хребте вдоль Гуштая и его притока Кочбулака.

В этом древнем районе рудные жилы сформированы из групп прожилков длиной от 7 до 280 м. Склоны гор прорезаны массой древних, на первый взгляд, неглу-

¹⁸ А. Мез, *Die Renaissance der Islam*, Heidelberg, 1922, s. 416.

боких закопушек и небольших карьеров. Но шурфы и штольни геологопоисковых партий открыли выработки глубокого профиля — штольни с отходящими от них наклонными и вертикальными колодцами, форма которых повторяет конфигурацию рудоносных жил.

Один из основных рудников состоял из двух параллельных штолен, тянувшихся под землей более чем на 200 м и соединявшихся между собой и с поверхностью извилистыми ходками, вертикальными колодцами для подъема руды и подачи свежего воздуха, нагнетавшегося с помощью мехов в камеры, в которых трудились рудокопы.

В 1966 г. нам удалось пробраться в лабиринты этого подземного городка. С геологом М. Хрипуновым мы попали через геологическую штольню в сплетение древних выработок, расположенных около 100 м под землей.

Сыро, сумрачно, со стен каплет вода. Она скопилась в воронках — углублениях древней выработки. Свет фонаря вырывает из темноты куски стен и свода. Пройден завал породы, на стенах и своде, облепленных хлопьями маслянистой сажи, следы работы каким-то острым металлическим орудием, вероятно, кайлой. В рыхлых породах, прорвавшихся в выработку, торчат обломки деревянных плах с гнездами и балок с заостренными концами. Это обрушившееся крепление наклонной штольни. На полу ходка поднимаем длинный деревянный крюк и часть деревянной лопаты, разбухшей от воды. Наклонно вниз идет доска. Оступившись на ней, один из нас проваливается в воду. И под ногами разбухшее дерево. Настил уходит вниз. Вытаскиваем из воды часть сосуда. Очень редкая находка — сосуд из тыквы. В течение десяти веков пролежал он в штольне и сохранился благодаря воде. Такие сосуды рудокопы могли использовать и для воды, и для масла, которыми, по сообщению Беруни, пользовались в золотых рудниках, поливая дрова костров для растрескивания камня¹⁹. Рядом с сосудом деревянный санный полз длиной более полуметра, заостренный и загну-

¹⁹ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, Минералогия, стр. 46.

тый с обеих сторон и с отверстием для веревки. Экспонат — уникальный. Несомненно, на таких санях по наклонной плоскости, местами устланной настилом из досок, с помощью деревянных крючков поднималась руда из наклонных штолен. Следы таких саней археолог М. А. Бубнова встречала 6 лет тому назад в древних серебряных рудниках Киргизии, но первое вещественное доказательство этого вида техники подъема руды оказалось в Кураминском хребте.

Мы не знаем, что явилось причиной прекращения работ в этой выработке — угроза ли произошедшего вблизи обвала, либо какие-то другие события на поверхности, но остается ясным одно: рудокоп вынужден был неожиданно покинуть штольню, бросив на месте некоторые нехитрые орудия труда.

Геологи и археологи очень тщательно искали орудия проходки и нашли. На Кызылалме они встретили три железных кайлы призматической формы (один край заострен, другой — в форме молота), сохранность хорошая. Около молотовидного края сквозное отверстие для рукоятки размером $2,5 \times 4$ см. Края кайл сплюснены и немного затуплены. Но металлические орудия были редкостью. В более древних рудниках Кочбулака найдены каменные молоты, на первый взгляд мало чем отличавшиеся от отвалов из рудника. Геологов удивило это, так как на месторождении им не встречались камни таких пород. Зачем их сюда принесли? Стали присматриваться более внимательно и обнаружили грубо оббитые желобки для привязки камня к деревянной рукоятке. А вот следы работы — отбитые рабочие края. Точно такие же молоты употребляли, по сообщению археолога С. С. Черникова, рудокопы Алтая, работавшие еще в эпоху поздней бронзы в конце II тыс. до н. э. Это — универсальные орудия: в предварительно расстрескавшуюся от огня костров и обливания водой породу ими забивали деревянные клинья, откалывали куски руды в рудниках и дробили ее на поверхности, когда отделяли пустую породу от рудоносной. Конечно, по прочности такие молоты почти не отличались от рудоносного кварца и часто ломались. Не случайно их расколотые обломки мы обнаружили в отвалах вместе с пустой породой.

Обломки сосудов, найденные с этими молотами, производят впечатление очень древних. Они похожи на сосуды скифов, живших две с половиной тысячи лет тому назад. Видимо, в тот период еще не началась добыча золота в рудниках Кочбулака, которую, возможно, вели закопашками вблизи поверхности. А впоследствии в VII—X вв. н.э. с интенсивной деятельностью рудников новые глубокие штольни уничтожили неглубокие рудники, и следами их, позволяющими определить время работы рудокопов, остались лишь эти молоты и обломки посуды.

В VII—X вв. в пору феодализма вблизи рудника выросло громадное поселение рудокопов, протянувшееся вдоль сая на 300 м. На случай опасности его обнесли валом, внутри которого находился источник воды. На поселении найдено много обломков битой посуды: парадные глазурованные чаши, кухонные котлы и горшки, сосуды для хранения ртути. И, как всегда, интересны монеты IX—начала XI в. — 15 шт. (14 серебряных и медная): «черные дирхемы», которыми уплачивались налоги в казну, серебряные дирхемы, чеканенные в столичных городах —

Пест для дробления руды

Бухаре, Самарканде и столице удела Чаче, очень редкие медные монеты-фельсы, выпущенные в начале XI в. дехканом Илака Мухаммадом бин Мансуром, вероятно, добившимся на некоторое время политической самостоятельности.

Конечно, нас интересует вопрос, как обрабатывалась золотая руда. Как уже отмечалось, поднятая на поверхность руда дробилась молотами и пестами, растиралась в порошок терками и жерновами. Здесь даже применялась сила проточной воды. В средневековом городе Абрлыге мы нашли жернов диаметром более 1 м. Он мог

вращаться только с помощью силы животного или при применении воды. В противоположность серебряной руде золотую нужно было растирать в порошок. Затем пустая порода отделялась многократной промывкой (или

Возгонка ртути

пускали небольшой поток воды, насыпав руду на каменные плиты, или очищали в глиняных тазах). Если золото было трудно отделить, использовали ртуть. Абу Райхан Беруни писал об этом следующее: «Иногда золото соединено с камнем, как будто сплавлено с ним, тогда оно нуждается в размоле и его размалывают на мельничных жерновах. Когда золотая руда истолчена или перемолота, его (золото) отделяют промывкой от породы, и затем золото собирается посредством ртути; после этого оно отжимается в куске кожи таким образом, что ртуть выходит из его пор, оставшаяся же ртуть в нем удаляется выпариванием на огне»²⁰.

Возгонка ртути проводилась в специальных глиняных сосудах удлиненной формы, обломки которых мы нашли в ремесленной мастерской средневекового Абрлыга.

Там же лежал стеклянный сосуд странной формы — колпачок с длинным носиком. Химик IX в. ар-Рази писал, что такими колпачками

²⁰ Там же, стр. 219.

«ал-анбиками» накрывались сосуды для улавливания легко испаряющихся веществ. При нагревании смеси ртуть испарялась в другой сосуд, где вновь охлаждалась. На месте возгонки оставалось золото. Потом оно очищалось многократным прокаливанием до такой чистоты, что и сейчас своей высокопробностью поражает специалистов.

Где искать бирюзовые рудники?

Небесно-голубая чистая бирюза относилась к числу высокоценных самоцветов. Тем интереснее было сообщение минеролога XI в. Беруни: «Я видел илакскую бирюзу, которая весила 200 дирхемов²¹ и оценил ее тогда в 50 динаров, но сейчас ее цена двести динаров, так как илакский рудник иссяк и заброшен»²².

Не совсем понятна последняя часть фразы — иссякли ли запасы бирюзы илакского рудника во время, когда Беруни писал свой труд, или это добавка позднейших переписчиков, но ясно одно: в средневековом Илаке известны и рудники по добыче «камня победы» — бирюзы. В западных отрогах Кармазара есть даже место, называемое в народе Фирюзкан — «рудник бирюзы», однако объемы древних работ в нем не столь значительны и вряд ли заслужили бы внимание древних исследователей. Значит надо искать его в другом месте. Во время исследований геологи и археологи обратили внимание на странную структуру рудоносных пород больших рудников Актурпак и Унгурликан. Они определялись как золотые, но в их отвалах встречалась и низкопробная бирюза.

Актурпак расположен на правом берегу Накпайсая и включает горы Актурпак и Акджен, а также пониженные террасы вдоль сая. Вся площадь испещрена древними выработками. Штольни пробиты и в твердых кварцевых породах, и в лёссе. Они уходят на глубину свыше 70 м, достигая уровня грунтовых вод.

Общая длина выработанной в древности полосы Акджен—Актурпак вытягивается в 2,5 км. Как и в дру-

²¹ Дирхем — (драхма) единица веса, равная 3,125 г.

²² Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, Минералогия, стр. 159.

гих рудниках, древние рудокопы Актурпака, выбирая руду, шли точно по жиле, и их выработки точно повторяли форму рудоносных тел.

Чтобы не ставить специального крепления, кое-где в ходках для поддержания кровли сохранялись столбики рудоносной породы. На склонах гор и около отвалов породы найдено несколько расколотых каменных молотов и обломки посуды. Среди сосудов встречены чаши, покрытые белой, зеленой и голубой глазурью, по которым установлено, что основные выработки существовали в X—XII вв.

Десятки лет между геологами продолжался спор о том, что же добывалось в Актурпаке? Большинство считало, что выработки пройдены на золото. Б. Н. Наследов, крупный знаток Карамазара, предполагал даже, что основным объектом добычи наряду с золотом могла быть и медь. А. Б. Баталов и А. Д. Каленов утверждали, что в древних выработках разрабатывались не золото и не медь, а бирюза.

В изучение включились и археологи. По анализам оставленных в выработках рудных пород и целиков установлено, что основным объектом добычи являлось золото и его могло быть добыто до 3000 кг.

Однако считать спор законченным целиком в пользу золота нельзя. Некоторые выработки пройдены совершенно в безрудных породах, имеющих лишь бирюзу. Это карьер длиной 13 м, из которого пробита штольня. Бирюза на поверхности низкокачественная, загрязненная окислами железа, но в глубине встречались образцы небесно-голубого цвета.

Значит древние рудокопы добывали по раздувам²³ «карманам» чистый самоцвет, выбрасывая низкокачественные минералы в отвалы. По материалам и внешнему облику эти выработки выглядели моложе золотых и отнесены к XVI—XVII вв. Добывалась ли в это время ташкентскими правителями бирюза? Совершенно случайно источники подтвердили это. Вот что мы узнали из рассказа таджикского писателя XVI в. Зайнутдина Васифи: в 1540 г., когда он прибыл в Ташкент, к ташкентскому хану Наурузу приехал духовный деятель сеид Шамсуддин Мухаммад. Васифи, как хоро-

²³ Раздув — резкое увеличение пласта или рудоносной жилы.

ший каллиграф, был приглашен ханом для составления дарственной грамоты на пожалование сеиду на правах суюргала всех пустошей и рудников Ташкентского удела, «кроме действующих разработок бирюзы и железа»²⁴. Вот в это время и разрабатывалась бирюза Актурпака.

Однако эти данные подтверждает и тот факт, что рудник функционировал через 500 лет после сообщения Беруни. Значит бирюзовый рудник Илака следует искать в другом месте. И здесь мы вновь возвратились к загадочному Унгурикану, расположенному по притокам Писталисая, впадающего в Абджаз — левый приток Ахангарана. Здесь на площади в 0,5 км² сосредоточено более 30 древних выработок, группировавшихся в три скопления. Западная и центральная группы вытянуты в меридиональном направлении, выработки восточной бессистемно разбросаны. Общие анализы показали высокое содержание железа, алюминия и руда нерудных ископаемых.

Некоторые геологи, например А. Б. Баталов, предполагали, что здесь в древности могла добываться бирюза. Однако на поверхности этот минерал был такого низкого качества, что Б. Н. Наследов, отметив загадочный характер рудника, подчеркнул: «Представляется невероятным, чтобы горные породы Унгурикана разрабатывались в древности только для добычи плохого качества бирюзы»²⁵.

А затем, когда в анализах нашли следы золота, стали считать, что основным объектом добычи древних был этот благородный металл, причем добыча его велась централизованным способом, а основная обработка и обогащение руды — в другом месте. Последнее звучало не очень убедительно, поэтому геологические партии вновь вернулись к изучению рудника. В работах участвовали и археологи, ибо у них вызывало сомнение отсутствие отвалов пустой породы, характерное для золотых разработок. Геолог С. В. Лопатин определил глубину разработок в 20 м, что при площади 16 тыс. м²,

²⁴ Л. Н. Болдырев, Зайнутдин Васифи, Душанбе, 1957, стр. 242.

²⁵ См.: А. Д. Каленов, К изучению географического строения Алмалыкской группы месторождений медных руд, Ж. «За недра Средней Азии», Ташкент, 1935, № 7, стр. 30.

занятой древними рудниками, давало гигантский объем древних работ — свыше 300 тыс. м³, так как бирюзовые зоны имели мощность в 1—2 м.

Здесь найдены фрагменты сосудов, относящихся к X—XII вв. Завеса, прикрывающая тайну илакского рудника бирюзы, немного спала. Работы по изучению этого рудника будут продолжены. Мы еще не можем совершенно точно считать, что найден именно он, хотя трудно предположить, что илакская бирюза была известна без крупнейшего бирюзового рудника Карамазара.

Столица рудной области

Много богатств давал рудокопам древний горный Кряж. Но добытая руда требовала обработок. Где же она проводилась? Конечно, иногда печи металлургов располагались прямо на рудниках, но чаще обогащенная руда шла в ремесленные центры, чтобы превратиться в звонкую монету или орудие, доспех или украшение. Не случайно так много городов в Илаке. И самым крупным была его столица — Тункет.

Место ее еще до недавнего времени не было известным. Правда, древние авторы сообщали, что стоит Тункет на берегу «реки Илака» и является крупным центром по обработке металлов.

Специальный торговый путь длиной в 8 фарсахов соединял ее со столицей Чача, но в описании его была большая путаница и на пути стоял ряд неизвестных городов. До исследователей доходили сообщения о древних городах. Еще в 1926 г. один из первых исследователей Карамазара геолог С. Ф. Машковцев писал в своем дневнике: «Слышал я от жителей, что в устье Саукбулака на левом берегу реки Ангрэн находятся руины огромного города. Нет ничего странного, если они окажутся остатками Тункета — столицы Илака»²⁶.

Через несколько лет археолог М. Е. Массон действительно нашел на этом месте руины древнего города. Покинутые жителями, разрушенные временем, они пре-

²⁶ С. Ф. Машковцев, Загадочный рудник Кухисим, «Геологический вестник», т. V, Л., 1926, № 1—3, стр. 67.

вратились в холмы, сохранившиеся под названием Имлак, созвучным названию государства.

Несколько лет, начиная с 1959 г., мы проводили раскопки древней столицы. Прикрытый с двух сторон саями — притоками Ахангарана, город дополнительно укреплен оборонительными валами. Внутри него находилось еще укрепленное ядро — цитадель, а вокруг на обширной площади почти до самых предгорий шел свободно заселенный пригород. Невысокий вал, пересекавший площадь от одного сая до другого, защищал пригороды от предгорий.

По сообщениям древних авторов, в цитадели Тункета располагались дворец правителя, мечеть, монетный двор, в городе и пригороде базары и мастерские ремесленников-металлургов.

Начались осторожные послонные раскопки древних сооружений.

Мощные, грозно возвышавшиеся бастионы! Восточные географы особо отмечали монументальность стен Тункета, обращенных к реке. Раскопки показали, что для строительства этих стен и башен древние зодчие умело использовали естественные холмы, которые обкладывали и усиливали глиняными пахсовыми блоками. Башни выдержали не одну осаду. В стене бастиона мы нашли выпущенный осаждавшими город врагами массивный трехгранный наконечник стрелы доарабского времени, тяжелое медное ядро, плоскую ромбовидную стрелу саманидской эпохи.

Очень интересные находки найдены в домах горожан десятого века. Построены дома из маленького плоского сырцового кирпича, полы вымощены каменными плитами и кусками шлака. В хозяйственных комнатах сохранились простые кувшины и котлы, ручные мельницы и огромные сосуды для хранения зерна. Во дворике тандыр с подгоревшей лепешкой, прилепленной к стенке печи. А у порога комнаты, как бы для того чтобы рассказать нам о времени жизни обитателей дома, лежала глиняная кубышка — копилка. Кто-то поспешно выгреб из нее монеты, но одна, диаметром больше чем остальные, застряла в отверстии. Это оказался серебряный дирхем середины X столетия. В комнатах найдена глазуванная, богато орнаментиро-

ванная парадная столовая посуда — крупные лаганы, чаши, небольшие пиалы.

Сочная роспись и яркие многоцветные глазури и сейчас, сверкая на солнце, радуют глаз своей красотой. Многие из них по характеру украшений похожи на канкийские. Но есть и оригинальные: обвитые лентами пальметты, розетки мягких тонов, переходящих один в другой. Художник как будто пробовал возможности орнаментов этого типа. Красивым каллиграфическим почерком нанесены восточные благопожелания.

Обнаружены оригинальные светильники — чираги. Все находки говорят о том, что исследуется богатый дом столичного горожанина десятого столетия.

В цитадели наше внимание обратили руины монументального сооружения. Квадратная платформа размером 10×10 м сохранилась на четырехметровую высоту. Сложена она из крупного кирпича длиной до полуметра, употреблявшегося здесь в середине I тысячелетия нашей эры. В закладке его — монета с изображением хищного животного — чекан раннефеодального Чача.

Что представляла собой эта грандиозная платформа в центре цитадели? На ней остатки огромного кострища. Может быть, это был какой-то храм, связанный с поклонением огню? Сооружение разрушено и через полтора-два столетия на его руинах возведено новое с колоннадой из фигурного жженого кирпича, украшенное резным деревом.

Не исключено, что перед нами дворец саманидского правителя Тункета, о котором упоминали арабские географы. Но и это здание постигла участь первого. Его сожгли и разрушили, а кирпич из руин разобрали жители. Сохранились лишь сгоревшие деревянные детали с тонкой и сложной резьбой, обломки фигурного кирпича от колонн и железные скобы крепления дерева. Все остальное разрушено и расхищено. Даже стены из жженого кирпича выбраны целиком — на их месте остались лишь глубокие траншеи.

Но самый важный материал ждал нас не в руинах дворца и парадных домах, а в ремесленных кварталах. На окраине шахристана встретилась россыпь ржаво-желтых и черно-зеленых обломков шлаков. Два высоких холма таких же шлаков обнаружены на восточ-

ной окраине пригорода вдоль Саукбулакская. У их подножья — жилые и производственные дома умельцев — металлургов. В них найдены громадные и грубые жернова, в которых дробилась руда, предварительно обогащенная еще на рудниках.

В опущенных в землю цилиндрических горнах проводилась плавка, а в каких-то гигантских тарелках, до метра в диаметре с отверстием в центре дна, металл очищался окончательно. Руда разная — золотая, серебряная, полиметаллическая, медная. Значит поступала она сюда из разных рудников. Здесь, в столице, работали и металлурги, и кузнецы, и ювелиры. Да, ювелиры! В одном из хозяйств, кроме небольшой печечки и обломков сосудов из огнеупорной глины, мы нашли половину каменной литейной формы, очень похожую на форму из Канки. Только отливали в ней не тумары, а тонкие ажурные подвески с рельефными перлами. Две такие половинки плотно соединялись между собой свинцовыми гвоздями.

В среднее отверстие — воронкообразный литник — из тигля наливался расплавленный в печи металл. Он заполнял ячейки формы, гоня перед собой воздух, а излишки уходили через другие отверстия. Этот способ назывался литьем «навыплеск». Он позволял отливать любые ажурные вещи без трещин, так как в форме оставалось только самое необходимое количество металла. Такая форма, как наша, позволяла отливать два украшения сразу. Встречались формы и для четырех, и для шести украшений, но обычно получались они грубее, ибо металл, доходивший до последней ячейки, уже остывал, и вещь получалась иногда с раковистыми изломами и трещинами.

Одновременное изучение рудников и металлургических центров открыло нам интересную картину развития горных промыслов и металлургии. Сначала плавильные пункты следовали за выработками, продвигаясь вслед за ними высоко в горы. Но потом повышались объемы добычи сырья, совершенствовались методы его обработки и плавки, росли специальные группы металлургов и металлистов с узкой специализацией. И теперь уже не металлурги идут, ставя свои печи прямо на рудниках, за рудой, а обогащенная руда спускалась к мастерам в специальные городские центры.

Таким центром и был Тункет. Металлические шлаки мы нашли в самых древних слоях города — в слоях середины I тысячелетия нашей эры. Мастерские стояли тогда внутри крепостных стен шахристана.

Но город рос. И в IX—X вв. дымные печи металлургов стали мешать городу. Тогда-то и переселились металлисты на его окраины в восточный и южный пригороды.

Этот период характеризовался быстрым расцветом ремесла, и самое главное — расширением связей с рудниками района, как медными, так и полиметаллическими. Интересно, что и зарождение, и прекращение жизни столицы рудной области совпало с жизнью рудников. С XI в. с усилением феодальной борьбы, упадком центральной власти отмечается и спад горнорудного ремесла, которому в первую очередь нужна была твердая центральная власть. Кто же мог обеспечить безопасность в глухих горных районах? А без этого трудно было вести работу на золотых и серебряных рудниках, продукция которых легко могла стать добычей враждующих групп феодалов. И вместе со спадом горнорудных промыслов с конца XI столетия мы видим упадок, а затем и захирение столицы.

Древний Тункет

Но Тункет был не единственным металлургическим пунктом древнего Илака. Вместе с ним всегда упоминался второй центр металлургии с близким названием — Туккет, располагавшийся на скрещении основных путей из древних карамазарских рудников на равнину.

На краю старинного селения Кульата к северо-западу от города Алмалыка поднимаются холмы древней крепости, омываемой саем и озером с безымянным мазаром, получившим название Кульата — «отец озера».

На первый взгляд эта древняя крепость — руины обычного средневекового города Илака. Но и укрепление ее (цитадель), и шахристан (сам город) покрыты гигантскими позеленевшими холмами — скоплениями древних шлаков. Следы «древних заводов, дымивших здесь тысячу, а то и более лет тому назад» отмечал еще в 1928 г. известный геолог С. Ф. Машковцев, включив-

ший этот пункт в число объектов осмотра участников III Всесоюзного съезда геологов²⁷. А археолог, ныне академик, М. Е. Массон установил, что это единственный пункт, в котором можно поместить металлургический центр Илака — Туккет²⁸.

Чтобы освоить громадное количество рудного сырья, поставляемого рудокопами Карамазара, древние металлурги Илака должны были обладать высокими технологическими знаниями. В какой мере обладали ими мастера Туккета? Когда зародилось здесь производство? Какие рудники служили его базой? Эти и многие другие вопросы интересуют специалистов истории Узбекистана.

Уже первые разведочные раскопки раскрыли интересную картину. Самые древние культурные слои относятся к первым столетиям нашей эры. Значит жизнь зародилась здесь еще в пору рабовладельческих государств на несколько столетий раньше, чем в самой столице. Интенсивная же деятельность металлургов и кузнецов связывается уже с другим периодом — VII—VIII столетиями нашей эры, когда Илак выступает в качестве самостоятельного владения. Максимальный расцвет металлургии Туккета относится к X—XI столетиям. Кварталы ремесленников «перешагивают» через крепостные стены и занимают обширные площади предместий. Среди шлаковых отвалов встречаются и обломки руды. Приходится удивляться их многообразию. Это и зеленоватые обломки со следами меди, и бурожелезистые. Иногда тусклым блеском засветится образец свинцово-серебряной руды. Значит сюда, в ремесленный центр края, из многих месторождений доставлялась предварительно обогащенная руда.

Руины Туккета, являющие собой своеобразный геолого-археологический заповедник, должны тщательно охраняться и служить объектом специального научного изучения.

В истории городов и курганов раскрываются неизданные страницы истории народов Узбекистана. Много еще неясного, непрочитанного. Только начинается изучение антропологического облика древних чачцев. Помочь

²⁷ С. Ф. Машковцев, Горы Кара-Мазар, Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов, Л., 1928.

²⁸ М. Е. Массон, Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 96.

в этом могут в первую очередь находки из погребальных курганов.

Рассказывают курганы

Курганы! Ташкентская область в адырной части буквально усеяна ими. Если проехать по долинам саев или в бассейн междуречья Чирчика и Ахангарана, можно встретить и одиночные холмы, и целые группы. «Джеты-тепа», «юзтепа», «мингтепа» (семь холмов, сто, тысяча) — эти названия широко бытуют среди местных жителей. Холмы скрывают одиночные или групповые захоронения с оружием, украшением, бытовой утварью, орудиями труда. Но есть и необычные захоронения, например каменные юрты, каменные ящики.

Среди жителей Северной Ферганы и сейчас еще бытует легенда о таинственных горных племенах мугов. Муги — люди громадного роста с могучими мускулистыми руками. Они должны были непрерывно ворочать камни, иначе на пальцах у них отрастали длинные окаменевшие ногти. Обломки таких «ногтей» — белемиты — встречаются в известняках Кураминского хребта. Стоят здесь и многочисленные каменные сооружения, обычно округлой юртообразной формы, называемые «мухгана» — «жилища мугов». Это погребальные сооружения, воздвигнутые над групповыми или родовыми захоронениями, хотя по виду представляют собой настоящий дом или юрту гигантских каменных плит. Вместе с погребенными найдены украшения, предметы обихода, оружие.

В Ташкентском оазисе подобные захоронения не встречались. Но вот неподалеку от города Ангрена отрядами археологов, возглавляемыми Т. Агзамходжаевым и О. М. Ростовцевым, на склоне Апартакских горок были открыты интересные погребальные курганы. Под каменной насыпью холма выявлена правильная кладка из огромных по несколько сот килограммов каменных плит, плотно пригнанных одна к другой, причем без всякого раствора.

Стены постройки местами достигали почти трехметровой толщины. Из помещения на склон горы выходил узкий, перекрытый громадными плитами вход — дромос.

Присмотрелись внимательно. Да ведь это самые настоящие мухгана! И перекрыты они правильным округ-

лым сводом, только сверху засыпаны более мелким булыжником, превратившим их в курган.

Внутри — групповые захоронения. Причем при очередном захоронении первых погребенных просто отодвигали, чтобы уложить новую группу, так что костяки их рассыпались. Это навело археологов на мысль о том, что перед ними какие-то семейные усыпальницы. И хотя они

Сосуды из погребения близ Ангрена

давным-давно разграблены, кое-что досталось и на долю археологов: золотые бляшки и нашивки на одежду, медные кольца и браслеты, поясные пряжки и множество сосудов.

Вот эти-то находки и поведали о времени возведения построек. Пряжки медные и железные с неподвижным и подвижным язычком округлыми и прямыми рамками характерны для середины I тысячелетия нашей эры. Мно-

гие же сосуды были точными копиями кувшинов, найденных в позднеантичных городах Ташкентского оазиса первых столетий нашей эры. Культовые сосуды их имели ручки, украшенные фигурками баранов с завитыми рогами, точно такие, как в Қаунчитепа. По поверьям кангюйцев, они были носителями и охранителями благ и символами изобилия. Но вместе с ними найден сосуд такой же формы, но с совершенно иными украшениями — он весь расписан коричневой краской, украшен ромбами и треугольниками, пересекающимися полосами. Так украшали сосуды только в Фергане. Орнамент обычен для ферганского сосуда первых веков нашей эры. И совсем удивительным оказался третий кувшин. Он расписан целиком по-фергански, а на ручке фигурка барана, как у сосудов Ташкентского оазиса.

Все это говорило о смешанной синкретической культуре племен, оставивших эти удивительные погребальные сооружения, и о тесных контактах Ташкентского оазиса с соседними регионами.

Кто же они, древние племена, оставившие эти склепы? Датировка их — первая половина — середина I тыс. н. э. Чач в этот период входил в состав государства эфталитов. В связи с этим интересно вспомнить сообщения историков того времени об активном участии эфталитов в свержении кушанской державы и создании своего государства. Римский историк VI в. н. э. Прокопий Кессарийский сообщает, например, об эфталитских обычаях, согласно которым богатые заводили себе друзей, предоставляя им возможность пользоваться своим добром с тем, однако, условием, что друзья «уходили» вместе с ними в могилу. Для погребений они устраивали каменные склепы.

Эфталиты принадлежали к юечжийской группе племен, в состав которой входили и кангюйцы. Не могли ли принадлежать к родственной эфталитской группе и племена, оставившие как раз в первой половине—середине I тысячелетия каменные склепы в Северной Фергане и верховьях Ахангарана? Ответы на эти вопросы должны дать дальнейшие совместные исследования археологов, историков, антропологов.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Остались позади многие годы полевых работ и тысячи километров зачастую сложных маршрутов по расшифрованным дорожникам восточных географов. На стол ложатся листы карт, испещренных нитями, кажется, единственно верных караванных путей, и знаками древних руин. Завершен этап поиска.

Отдельные факты начинают складываться в стройную картину. Перед исследователем всплывают силуэты истории отдельных городов и оазиса в целом. Но пока именно силуэты. Ведь даже поверхностное соприкосновение с удивительными памятниками старины не может не оставить впечатления глубины и сложности исторических процессов, бурливших в оазисе тысячелетия тому назад.

Но как протекали эти процессы? Чем объяснить взлет городской культуры на границе земледельческой ойкумены, вызвавшей к жизни появление нескольких десятков городов? Урбанистический феномен Чача интересовал многих ученых. Но для того, чтобы их понять, недостаточно знать, где стояли эти города, как они были взаимосвязаны. От исторической топографии области нужно шагнуть к исторической топографии города. Необходимо изучить его историю на различных исторических этапах. А это новый поиск — тщательные многолетние археологические раскопки укреплений цитаделей и городских бастионов, дворцовых сооружений и жилищ трудового люда, ремесленных мастерских и храмов, отдельных домов и целых кварталов, городских и сельских некрополей, сравнительное изучение столичных и рядовых городков, центров сельской округи и городов, стоявших на границах с кочевым миром, а иногда и глубоко

врезавшихся в его территорию. Необходимо кропотливое исследование находок, сравнение их с орудиями труда, оружием, предметами быта земледельцев и кочевников, поиск генезиса комплексов материальной культуры, окружавшей чачского горожанина, и их места в его жизни. Словом, поиск путей городской культуры древнего оазиса—одного из крупнейших регионов Узбекистана. Нельзя считать завершенной и работу по караванным путям Чача. Ведь мы отыскиали едва ли три десятка из более чем пятидесяти городов, названия которых извлечены из древних свитков. Где располагались остальные, сохранились ли они и как выглядели?

Почему некоторые из них упоминаются отдельными древними географами, но отсутствуют в перечнях городов Чача у других современных им авторов, знавших владения совсем не хуже первых? Может быть, малые размеры заставляли их сомневаться в городской принадлежности этих пунктов?

Ведь если сравнить двух географов,— Макдиси и Истахри, писавших о Чаче почти одновременно — в середине X столетия, получается такая картина: Макдиси приводит город Дихкуран, которого нет в списке Истахри. Но само слово «дих» означает селение. Значит городок был таков, что его невозможно отличить от крупного селения. И еще. Макдиси упоминает город Гузкерд или Гаркерд на пути из столицы Чача на север в степь²⁹. Истахри тоже упоминает его, но добавляет: «а это селение»³⁰.

Такие полугородки-полуселения встречались нам во время маршрутов неоднократно. Мощные руины высятся, например, на берегу Ахангарана. Могучая цитадель прикрывает сразу два входа в крепость, внутри которой кварталы домов и четкие улицы. Общие размеры этой крепости — 12 га. Что это — город или селение?

Но есть и другие причины, почему мы не знаем городов древности. В первую очередь это еще недостаточная исследованность оазиса, трудность определения многих руин. Гибельно отразились на городской культуре события XIII в. Еще в начале столетия в период борьбы с восточными кочевыми племенами найманов правитель Хорезмской державы Мухаммад Хорезмшах приказал

²⁹ BGA, vol. 3, p. 265.

³⁰ Idem, vol. 2, p. 337.

провести разрушение ряда районов Ташкента и Ферганы, а жителей переселить, чтобы на подступах создать пустынные зоны. Но эти зоны не остановили волны татаро-монгольского нашествия, захватившего и Ташкентский оазис.

А после завоевания монголы избрали долину Ахангарана под кочевье одного из четырех основных родов — джелаиров. Здесь главой гигантских Чагатайских владений был провозглашен Мубарекшах.

И нашествия, и постоянные кочевья монгол, естественно, не способствовали ни развитию городов, ни сельской жизни.

Крупный востоковед В. В. Бартольд приводит слова одного восточного путешественника этого времени: «Издали видим хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаемся в надежде встретить жителей, но находим дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием»³¹. Конечно, такой образ жизни привел к разрушению одних городов и низведению до разряда селений других. Руины древних крепостей же постепенно приходили в упадок, чему способствовали не только силы стихии, но и человек, осваивая их земли под поля или проводя строительно-планировочные работы.

Почти ничего или очень мало осталось даже от таких крупных городов, как Шутуркет,—третьего по величине города древности, стоявшего когда-то в долине Чирчика.

В то же время тщательный поиск или помощь краеведов позволяют обнаружить даже небольшие, казалось бы, утерянные памятники культуры. Совсем недавно в долине Ахангарана открыты новые крупные памятники древности — Будальтепа и Культепа.

В зоне Туябугузского водохранилища волны, разрушая берега островков, стали выбрасывать на берег сосуды, позеленевшие от времени монеты, украшения. Сообщения о них поступили в музей, научные учреждения. Так были открыты руины еще одного городка. Нельзя сказать, чтобы о памятнике древности, носящем название Киндыктепа, здесь не знали. Но площадь была на-

³¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. 2, М., 1963, стр. 264.

столько распахана, что видно только укрепление, и археологи, проводившие исследование памятника, отнесли его к разряду феодальных замков.

А сегодня при спуске воды на поля, рядом с замком-цитаделью, на дне водохранилища на площади почти в 25 га обнажаются правильные кварталы плотной застройки, ремесленные мастерские металлургов, гончаров, ткачей, встречаются клады разновременных монет, в том числе и относящиеся к самым ранним этапам городской культуры оазиса. Словом, городской характер застройки Киндыктепа не вызывает сомнения, и вот уже несколько лет в осенние месяцы после сброса вод на поля здесь работает археологическая экспедиция.

Значит для дальнейшего исследования Чача необходимо сочетать раскопки городов с поиском новых пунктов древней культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателям	3
На большом караванном пути	10
Город Шахруха	11
Загадочная Канка	17
Поиски Неджакета	31
Чиначекет—Чиназ	36
Крепости на пути к столице	39
Средневековая столица Чача	43
Караван уходит в горы	51
Памятники старины на дне горного моря	54
Кадовадтепа в Богустане	55
Караван-сарай на переправе	56
Город из легенды	57
Картинная галерея охотников	59
Следы первобытной жизни	61
«Семиградье» на адырах	62
По следам древних рудокопов	69
За дымкой легенд	69
Сим-сим, откройся!	70
Золото Илака	79
Где искать бирюзовые рудники?	87
Столица рудной области	90
Древний Туккет	94
Рассказывают курганы	96
Поиск продолжается	99

Буряков Ю. Ф.

По древним караван-
ным путям Ташкентского
оазиса. Т., «Фан», 1978.

104 с.

902.6(C52)

Юрий Федорович Буряков

**По древним караванным путям
Ташкентского оазиса**

*Утверждено к печати Главной редакцией научно-популярной
литературы АН УзССР*

Редактор *А. С. Михерова*
Художник *И. Н. Цыганов*
Технический редактор *Ф. К. Тукшайдова*
Корректор *Т. В. Корлушина*

ИБ 554

Р26254. Сдано в набор 21/XI-77 г. Подписано к печати 26/XII-77 г. Формат
84×108^{1/2}. Бум. л. 1,625. Печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,2. Изд. № 469. Тираж 3000.
Цена 20 к.

Типография издательства «Фан» УзССР. г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Заказ 286.

Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 20 к.

„ФАН“